
ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1749 и 1750 годы

Москва в 1749 году; заботы о ее восстановлении. - Распоряжения на случай опасности со стороны Швеции, распоряжения по флоту и армии. - Увеличение цены вина и соли. - Распоряжения о инородцах. - Призыв беглых. - Меры о сохранении народного здоровья. - Меры против разбоев. - Столкновения между частями городского населения. - Сопроотивление беглых крестьян в Брянске. - Магистраты. - Воеводы и полиция. - Положение фабрик и заводов. - Жалоба русских купцов на иностранных браковщиков. - Коллегии. - Столкновение членов Синода с обер-прокурором кн. Шаховским. - Издание Библии. - Жалобы Синода на дурное обращение светских лиц с духовенством. - Запрещение книг и вещей на религиозных основаниях. - Состояние Малороссии. - Восстановление гетманства в Малороссии. - Деятельность Неплюева в Оренбургском крае. - Борьба с инородцами в Северо-Восточной Сибири. - Отношения к европейским державам. - Положение канцлера Бестужева. - Прекращение дипломатических сношений с Пруссией. - Сношения с Австрией по поводу православных ее подданных. - Сношения с польско-саксонским двором. - Вопрос курляндский. - Неудачная попытка Морица Саксонского. - Действия Никиты Ив. Панина в Стокгольме, Корфа в Копенгагене, Неплюева в Константинополе.

Ломоносов имел право в своей оде представить старую, испепеленную, полуразрушенную Москву, ждущую восстановления от приезда Елисаветы. Действительно, пребывание императрицы в Москве в продолжение 1749 года было полезно для древней столицы, так сильно пострадавшей от пожаров. Москва больше всего страдала теснотою в самых населенных частях своих, что вело, с одной стороны, к частым истребительным пожарам, а с другой - заражало воздух. После Смутного времени, при новой династии, уже видим стремление царей высвободиться, хотя временно, из кремлевской тесноты на простор подгородных мест. При царе Михаиле таким царским местопребыванием становится село Покровское, при царе Алексее - Измайлово, потом Преображенское, которое при Петре так тесно соединяется с Немецкою слободою. Вследствие этого XVII и XVIII века видят новую Москву, Москву яузскую, в противоположность старой, омываемой Москвою-рекою и Неглинною. Но между тем в старой Москве становится просторнее как вследствие отъезда двора и выселения знати на новые приязские места, так особенно вследствие пожаров; в Кремле становится возможным жить людям, привыкшим к петербургскому простору, которые в начале века не могли выносить кремлевской тесноты и зловония. Кроме того, старая Москва брала верх своими святыми и

славными древностями, и с половины XVIII века начинают думать, как бы опять перенести царское местопребывание в Кремль.

Здесь становилось просторнее; но в торговом Китае-городе была сильная теснота. Камер-коллегии, Главному магистрату, Московской губернской и полицмейстерской канцеляриям с присоединением комиссии из купечества поручено было составить план для очищения Китая-города, и план был составлен в мае месяце 1749 года: скамьи, каменные приступки и другие загромождающие пространство постройки предположено сломать, препятствующие проезду погребов засыпать. Сенат велел привести этот план в исполнение. Сенату было представлено, что на Всесвятском мосту, единственном каменном в Москве, находятся лавки и палатки, в которых живут люди и которые стоят непокрыты, отчего этим лавкам и палаткам, да и мосту самому может быть не без повреждения; Сенат распорядился, чтоб покрыли их. Мост требовал починки; починку эту принял на себя крестьянин Кузнецов с торгов за 8120 рублей, с тем чтоб позволено было ему при мосту построить разные мельницы; оброка с них он платить не будет, но будет в продолжение десяти лет содержать мост в исправности. Но приискали указ императрицы Анны, в котором говорилось, что мельницы вредят Всесвятскому мосту: ежегодно надобно его чинить, потому что для мельниц между быков сделана плотина, весною здесь лед спирается и ломает быки; особенно выше и ниже плотины год от году все более вырывает землю и насыпало остров, отчего небезопасно всему мосту, и потому велено все мельницы сломать. Кузнецова стали уговаривать взять починку моста безусловно; он согласился, но уже за 8700 рублей.

Петербургских гостей в Москве поразило явление, которое прежде оставалось незамеченным. Несмотря на указ Петра Великого 1722 года, запрещавший отпускать колодников на связках просить милостыню, Сенат усмотрел, что многие колодники, пытаные, в рубищах, до такой степени ветхих, что тело едва прикрыто лоскутьями, стоя, скованные, на Красной площади и по другим большим улицам, просят милостыню необыкновенно, нараспев, с криком, также ходят по рядам и по всей Москве по улицам. Сенат приказал колодников, которые сами себя прокормить не могут, отсылать на казенные работы и давать заработной платы по две копейки на день человеку, а которые содержатся в исках, тех кормить истцам. Замечено было и другое явление, более чем неприятное: до самой императрицы дошло, что господские люди не только ночью, но и днем проезжих бьют и грабят; дошло это потому, что прибит был и ограблен камердинер великого князя: лавочники и проезжие видели, но помощи никакой не подали, также и обывательский караул. Летом донесено было Сенату, что в Москве всякий хлеб продают очень высокими ценами, отчего народу немалая тягость, а Московский магистрат не только не старается об уменьшении таких чрезвычайных цен, но и не присылает в Главную полицию ведомостей о ценах: за март месяц прислана ведомость в половине апреля; в марте рожь продавалась по семи гривен, а в июне

продают не меньше полутора рублей, муку - по 180 копеек, и скоро будет продаваться дороже двух рублей.

Императрица посещала и московские окрестности - село Софьино, забавный дом Перово - и оставалась там по нескольку дней. Свои именины, 5 сентября, она провела в Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим). 22 декабря она возвратилась в Петербург; но о Москве надобно было заботиться и по отъезде двора. В мае 1750 года узнали, что часть каменной стены Белого города упала и задавила несколько человек. Ветхости кремлевских стен и башен взялись исправить подрядчики в два года за 12950 рублей; а по Китаю - и Белому городу, где стены и башни обвалились или грозят падением, велено чинить, не упуская летнего времени, с крайним осмотрением и бережением казны, без передачи из не положенных в штат доходов. При этих починках нашли клад особого рода: в угольном погребе у Тайнинских ворот нашли соль-бузун в ветхих кулях; спросили Дворцовую канцелярию и Соляную контору и получили ответ, что об этой соли у них никакого известия не имеется.

Хотели обмануть надежду тех, которые думали, что удаление двора в Москву на целый год помешает энергическим мерам России ввиду опасности, грозившей со стороны Швеции: военные приготовления, вооружение флота и движение сухопутных войск к финляндским границам шли усиленно и давали много забот Сенату в финансовом отношении. Адмиралтейская коллегия доносила в январе 1749 года, что велено вооружить некоторую часть корабельного флота и отправить в море в мае месяце; а галерный флот, сколько есть наличных галер, все приготовить, и морских провизий на эти корабли и галеры заготовить на четыре месяца; затем и весь корабельный флот, сколько годных к службе кораблей и фрегатов находится, к будущей кампании велено исправить и вооружить, чтобы в нужном случае по первому указу могли выступить в море. Для этих приготовлений теперь самое удобное время, но коллегия в денежной казне имеет крайний недостаток и вследствие многочисленных доимок в сборах, определенных на Адмиралтейство с губерний и провинций, и надежды предвидеть не может, чем бы это вооружение флотов исправить. Необходимо иметь 361266 рублей; эта сумма должна быть употреблена прежде выхода флота в море, и то только на те корабли и фрегаты, которые должны выступать в мае; теперь в Адмиралтействе в наличности и 10000 рублей не будет, да и те деньги употребятся на жалованье служителям, которые за майскую треть 1748 года сполна еще не получили жалованья. Поступление денег с положенных на Адмиралтейство сборов начнется не ранее нескольких месяцев; на Штатс-конторе долгу за 1747 и 1748 годы 142218 рублей, но этого долга, несмотря на многократные требования, Штатс-контора не платит да еще доимку в 97984 рубля зачитает в счет других издержанных посторонних сборов; с 1740 по 1747 год в положенной сумме на Адмиралтейство продолжается до сих пор доимка больше миллиона, и об этой доимке коллегия не раз представляла Сенату и требовала ее; Сенат велел Штатс-конторе сделать счет, который и

сочиняется, но по этому счету контора показывает немалые зачеты, о которых требуется обстоятельного рассмотрения; впрочем, и за теми зачетами, хотя бы они и справедливы были, все же в доимке остается до 450000 рублей.

Сенат приказал Штатс-конторе отпустить в Адмиралтейскую коллегия немедленно 71109 рублей, также как можно скорее окончить с нею все счета и, что явится в недосылке, отпустить сейчас же. В феврале новое доношение: баронам Строгановым и прочим соляным промышленникам для поставки соли за недостатком наемных работников оказывается немалое вспоможение особым нарядом уездных крестьян, в прошлом году было наряжено 4000 человек; а высочайший интерес требует, чтоб и флот был в исправном состоянии, и хотя коллегия заготовление лесов и не упускает, но доставка их за недостатком рабочих людей идет очень медленно, леса на пристанях остаются и теперь не иначе могут уместиться как на 112 судах, на которые рабочих надобно до 3000 человек, а по примеру найма рабочих прошлого года может отправиться из пристани только 29 судов, затем прочие леса останутся опять на пристанях; потому требует коллегия нарядить в Казанской, Нижегородской, Московской и Новгородской губерниях до 1500 человек; а чтоб были все 3000 человек, то дозволить нанимать и с письменными паспортами. Сенат сначала не согласился, но потом должен был для возки дубового леса велеть нарядить до 1500 человек уездных людей, а 3000 остальных позволил нанимать с письменными паспортами. Наступил май месяц, когда флоту надобно было выходить в море, а Адмиралтейская коллегия снова объявляет, что для этого выхода нужно не менее 100000 рублей, у нее налицо только 17401 рубль, а Штатс-контора к платежу показывает невозможность, следовательно, флота выпустить не на что; несмотря на запрещения, Штатс-контора и Камер-коллегия посылают указы, по которым принадлежащие Адмиралтейству доходы употребляются на посторонние расходы; так, в Нижегородской губернии Камер-коллегия употребила на свои расходы 11554 рубля; с Олонца определено получать Адмиралтейству по 21300 рублей, этой суммы за разными изнеможениями никогда в платеже сполна не бывает, и на 1748 год не заплачено 13018 рублей; с Киевской губернии назначенная сумма 10487 рублей почти всегда употребляется мимо Адмиралтейства в другие расходы. Сенат приказал: с монетных дворов из капитальной суммы отпустить в Адмиралтейство 50000 рублей, а возвратить эту сумму из недосланных в Адмиралтейство сборов за прошлые годы. В мае 1750 года Адмиралтейская коллегия потребовала доимочной на Камер-коллегии и Штатс-конторе суммы - 155925 рублей - на покупку провианта и пеньки; Сенат велел доставить себе немедленно ведомости из присутственных мест, где сколько имеется наличной денежной казны. Относительно флота в это время было определено содержать: стопушечный корабль - один, осмидесятипушечных - 8, таким образом, первого ранга - 9 кораблей; второго ранга (66-пушечных) - 15; третьего ранга (54-пушечных) - три, всего 27 кораблей, то же число, какое было и в 1720 году; фрегатов 32-пушечных - шесть. При

Петре Великом было шесть шнав, но теперь признали за лучшее оставить только две, а четыре заменить пакетботами, ибо последние в разные посылки удобны, и море терпеть могут надежнее, и строением в крепости лучше; кроме того, определено иметь два прама и три бомбардирских корабля.

В мае 1750 года Сенат был встревожен известием, что из сербского и венгерского гусарских полков 59 человек подали просьбы об увольнении. Сенат велел осведомиться, отчего это, нет ли им какого неудовольствия? Бригадир Виткович сообщил, что единственная причина неудовольствия заключается в несвоевременной выдаче порционных и рационных денег, ибо хотя окладное жалованье по шести рублей по третям всегда получают исправно, но этого жалованья стает только на нижнюю одежду и харчи; а лошадьми, ружьем, мундиром, амунициею, палатками должны содержать себя на порционные и рационные деньги, которые отпускаются по прошествии двух, а большею частию и трех третей, и в промежутках этих отпусков гусары впадают в немалые долги. В 1749 году из определенной на нерегулярные полки суммы из доходов Штатс-конторы больше 65000 рублей недослано, да на той же Штатс-конторе одного провиантского долга на 1747 год больше 240000 рублей. И теперь в Цесарскую область отправляются офицеры для вербования в гусарские полки, и хотя людей прибавится, но если опять так долго не будут платить им денег, то надежда вперед иметь оттуда гусар в здешней службе исчезнет; притом надобно опасаться, чтоб от нестерпимой скудости гусары не впали в своевольства и грабежи, о чем на них уже и жалобы были, или ударятся в побег, как было в 1749 году. Получив это объяснение, Сенат приказал: чтоб удержать гусар в службе, удовлетворить их поскорее деньгами, для чего взять заимообразно у Военной коллегии, а вместо недосланной суммы в Военную коллегию отпустить прямо из Берг-конторы 100000 рублей из полученных за проданное железо денег, и Штатс-конторе крайнее старание иметь, чтоб впредь на гусарские полки деньги не задерживались.

Сенат велел Штатс-конторе отпустить в Артиллерийскую канцелярию 25000 рублей для укомплектования артиллерии; но Штатс-контора прислала только 8000 да еще зачитывала в ту же сумму деньги, отпущенные в Ригу на фортификационные расходы. Военная коллегия просила Сенат по этому случаю рассмотреть и пресечь рассуждения и вошедшие в обычай отговорки Штатс-конторы, которая только по упрямству продолжает зачитывать 5000 на фортификационные работы, тогда как они к артиллерии вовсе не относятся; Сенат велел Штатс-конторе отпустить в Артиллерийскую канцелярию требуемые деньги без зачетов. Тогда же Провиантская канцелярия доносила, что в 1749 году подрядная цена в Риге за рожь (за куль в полосма пуда) была рубль 70 копеек, а теперь купцы не берут меньше рубля 99 копеек, за крупу - 2 р. 76 копеек; в Провиантской канцелярии денег почти ничего нет, а в Риге торги не состоялись, потому что там рожь стоит 2 р. 60 копеек. В июле 1750 года Штатс-контора доносила, что на лейб-компанию жалованья на

сентябрьскую треть 1747 года и январскую 1748 - всего 54787 рублей - до сих пор не отпущено и отпустить не из чего. Сенат приказал отпустить деньги из первых приходов без всякой задержки.

В донесениях Военной коллегии слышали тон до сих пор небывалый. Так, в сентябре 1749 года она доносила, что на Штатс-конторе остается долгу 382853 рубля, и требовала, чтоб в Главную провиантскую канцелярию долг был отпущен как можно скорее, ибо в самых нужных делах крайняя остановка: хлебные поставщики за неполучением в свое время платы жалуются и от поставок провианта вперед будут отказываться; если же и после этого представления Провиантская канцелярия скоро удовлетворена не будет деньгами, вследствие чего войско потерпит нужду, то сам Прав. Сенат должен будет дать ответ пред ее величеством, потому что Военная коллегия по всеусиленным своим стараниям из общей воинской суммы помогала, а теперь больше помогать не в состоянии, и вперед Прав. Сенат на нее в этом надежды полагать не благоволил бы. Кроме того, по поданным от Главного комиссариата и Провиантской канцелярии ведомостям долгу на Штатс-конторе показано на неположенные на воинскую сумму выведенные из Персии, также гусарские и другие полки с 1742 года 2305013 рублей. Прав. Сенату велено по представлению Военной коллегии тотчас исполнять и помогать; несмотря на то, по многим и усиленным требованиям нет удовлетворения, все только делаются подтверждения Штатс-конторе, которая отвечает одно, что денег нет, а будут ли, не подает надежды, и способа, как помочь недостатку в деньгах, не изыскано. Военная коллегия требовала по крайней мере отпустить до 800000 рублей на войско, не содержащееся подушным сбором, а на заготовление провианта до 300000 рублей. Сенат отвечал, что, по показаниям Штатс-конторы, суммы на войска, содержащиеся неподушным сбором, отпущены, а Военная коллегия, не представив своих счетов с Штатс-конторою, полагает долг в 2305000; но за совершенным недостатком государственных доходов не только за прошлые годы всю эту сумму отпустить неоткуда и не из чего, но и на текущий год нельзя удовлетворить войска, не содержащиеся подушным сбором. Императрице Сенат определил доложить: по пятилетней сложности государственных доходов приходу в год должно быть 3965965 рублей, а в Штатс-конторе окладных ежегодных расходов состоит 3601534 рубля да на неокладные чрезвычайные дачи - 851473 рубля, итого 4453007 рублей, следовательно, в расход на каждый год недостает 487852 рубля; да велено отпускать на Измайловский полк в год по 176573 рубля из доходов Сибирского приказа, но за неимением в том приказе денежной казны отпускается эта сумма из Штатс-конторы, и за таким недостатком удовлетворить требованиям Военной и Иностранной коллегий нельзя. До сих пор Сенат удовлетворял как мог из наличных денег с крайнею остановкою других расходов, а теперь из монетного капитала, которого уже очень мало остается и который за употреблением его в расход не даст надлежащей прибыли, 50000 рублей да из разных сборов, сколько где может набраться, определено отпустить; только такой большой суммы, какую требует

Военная коллегия, взять неоткуда. Сенат определил просить конфирмации ее величества на прежде поданные доклады о изысканных способах к пополнению государственных доходов, ибо, кроме того, Сенат никаких других способов к удовлетворению означенных расходов изыскать не может.

Эти не конфирмованные с 1747 года доклады заключали в себе известное мнение графа Петра Ив. Шувалова о продаже соли и вина везде равную ценою, которая должна быть увеличена. Теперь вследствие повторенной просьбы императрица согласилась употребить представленные способы умножения доходов, и в начале 1750 года наложено на ведро вина по 50 копеек во всем государстве равно, кроме остзейских губерний, Малороссии, слободских полков и Сибири. Также и соль положено продавать по 35 копеек пуд, кроме Астрахани и Черного Яра, где цена определена вполовину; в Соляной конторе оставлять от этой продажи миллион рублей и употреблять их в расход по особливым указам императрицы, а что будет лишку в сборе, то отсылать в зачет подушных денег в Главный комиссариат. Сначала встретились затруднения: Главный магистрат донес, что в Казани винная продажа началась по новому положению с 1 марта и против прежнего сбор очень уменьшился: явилось 1229 рублей, а в 1749 году, в марте месяце, собрано было 2622 рубля; то же случилось и в Вятке. Комиссариат доносил также, что тамбовские откупщики под видом выемки корчемного вина, приезжая многочислом, забирают уездных обывателей и хотя вина не вынимают, однако бьют их смертно и разоряют, отчего эти обыватели могут прийти в несостояние платить подушный сбор и прочие подати. Такие же жалобы приходили из Псковской провинции. Сенат решил принять самые деятельные меры против того, чтоб изысканный способ увеличения доходов не оказался недействительным. Он заподозрил Казанский и Вятский магистраты в нерадении и послал освидетельствовать тамошние сборы; а в конце года во все губернии отправлены были особые чиновники для наблюдения за правильною продажей соли и вина по новому положению.

А между тем Сенат все еще не имел подробных ведомостей приходам и расходам: 13 апреля 1749 года Сенат рассуждал, что он велел накрепчайшим образом взыскивать на Камер-коллегии, чтоб немедленно сочинены были ведомости о доходах и расходах с 1743 по 1747 год, а до тех пор пока они не будут поданы в Сенатскую контору, президента коллегии и членов, секретарей и приказных служителей держать в коллегии без выпуска, и смотреть за этим экзекутору; несмотря на то, ведомостей до сих пор не подано, и потому приставить сенатской роты унтер-офицера с солдатами, чтоб не выпускать президента и прочих. Но это была только угроза, чтоб заставить поспешить делом. Ведомости не подавались, и 19 сентября призван был в Сенат прокурор Камер-коллегии Философов и спрашиван, сочинены ль ведомости и для чего до сих пор не внесены в Сенат? Прокурор отвечал, что ведомости сочиняются и как скоро окончатся, то подадутся. На это ему приказано, чтоб коллегия в этом

деле крайнее старание имела и для того бы присутствующие как до полудня, так и после полудня в коллегии съезжались, а секретарей и приказных служителей держать в коллегии без выпуска; если же ведомости скоро не будут окончены, то прокурора и присутствующих держать будут без выпуску.

Последним прибежищем в финансовых нуждах был, как мы видели, Монетный двор, из которого брали необходимые суммы обыкновенно под видом займа; но свидетельство, что запасный капитал уже истощался, показывает, как Штатс-контора платила свои долги. Так и в конце 1750 года Штатс-контора потребовала, чтоб приказано было отпустить до 300000 рублей заимообразно с денежных дворов на счет отсылаемых туда пошлинных ефимков и серебра; а если отпущено не будет, то в расходах последует остановка. С 1746 по 1750 год на Монетном дворе было вычеканено 1467145 рублей, в том числе полуполтинников - 815645 рублей, гривенников - 651500 рублей; Сенат приказал сделать гривенников еще на 532855 рублей, чтобы в случае их недостатка в размене крупной монеты не могло последовать крайней нужды.

Надобно было обратить внимание на то, чтобы число плательщиков увеличивалось, а не уменьшалось и чтоб они могли платить. Постановление, что новообращенные в христианство жители восточных окраин освобождались на известный срок от податей, которые раскладывались на оставшихся в язычестве или магометанстве, это постановление должно было вести к большим затруднениям. В Казанской губернии всех инородцев в подушном окладе считалось 319085 душ, из этого числа к первому января 1749 года крестилось 170759 душ, из которых минула льгота 30153 душам, а льготы еще не минуло 140606 душам, осталось в неверии 148326 душ, следовательно, новокрещеных против иноверцев приходилось больше 22433 душами, и на этих оставшихся в неверии расположено на вторую половину 1748 года по 53 копейки, итого 79850 рублей, да доимок расположено 379581 рубль, всего должно было взыскать 459431 рубль, да с тех же оставшихся в неверии рекруты и лошади взысканы, да и еще следовало взыскать по последнему набору. Но Сенат получил донесение, что взыскание скоро произойти не может, многие от такого великого и строгого взыскания бегут в леса, о других неизвестно, где они, оставшиеся пришли в крайнее разорение.

Легко понять, что при таких обстоятельствах с особенным удовольствием был принят Сидор Тарасов Заграбский, явившийся в 1749 году поверенным от живущих в Польше и Молдавии русских людей. Он просил императрицу о прощении за побеги и о позволении возвратиться и жить в Миргородском полку на пустых местах с обязательством служить береговую и пограничную службу, как служат донские козаки, или платить сорокаалтынный оклад, причем Заграбский объявил, что таких беглецов будет больше 25000. Императрица согласилась на их просьбу, но с тем, чтоб они поселились не в Миргородском полку, потому что земли

принадлежат Малороссии, а отведутся им свободные земли в Великой России, в Белгородской или Воронежской губернии; которые из них захотят быть в купечестве, те будут положены в сорокаалтынный оклад, а кто захочет быть в козацкой или другой какой службе, довольствуясь отведенными им землями и угодьями, те будут определены по желанию. Киевский генерал-губернатор Леонтьев доносил о желании других находившихся в Польше беглых русских перейти в малороссийские Быковские и раскольничьи слободы; и относительно их последовало то же решение.

Перезывали беглых из-за границы, но принимались ли меры о сохранении жизни и здоровья остававшихся в России жителей? Лекарей было очень недостаточно, но Медицинская контора преследовала самозванных лекарей, и Сенат подтверждал ее права на это преследование. В Берг-коллегию прислана была из Медицинской коллегии промемория, что в Москве архангельский купец раскольник Прядунов, ходя по домам, лечит людей от разных болезней нефтью, которую он сам торгует в Китае-городе близ Сысского приказа у Троицы на Рву в казенных палатах, причем известно, что он своим неискусным лечением некоторым людям нанес вред немалый, а иные и жизни лишились; лечит он не один подлый народ, но и знатных персон без ведома и свидетельства Медицинской канцелярии в противность указам, а говорит, что по данной ему от Берг-коллегии привилегии на нефть состоит в ведомстве этой коллегии и потому Берг-коллегия прислала бы его в Медицинскую контору. Прокурор Берг-коллегии Суворов настаивал, чтоб этого купца Прядунова немедленно отослать в Медицинскую контору, но коллегия отсылать не велела. Суворов представил дело в Сенат; тот велел отослать Прядунова в Медицинскую контору, а у Берг-коллегии запросить, для чего не отослала, презревши предложение прокурора. Берг-коллегия отвечала: не только в России, но и в других северных странах не слышно, чтобы нефть добывалась, только в Персии она есть, и великую прибыль от нее тамошняя нация получает; а в России нефть сыскана старанием и собственным капиталом Прядунова недавно; коллегия позволила ему построить нефтяной завод, дала привилегию и указ производить и продавать нефть, потом коллегия позволила ему ту нефть привезти в Москву для передвойки в лаборатории, которая устроена для минеральных и всяких материальных казенных и партикулярных проб, а нефть числится в тех же минеральных материалах, и в том заводчикам всякие способы показывать и наставления по силе привилегий и указов давать надобно, и хотя он, из лаборатории вынося, нефть продавал, и то не в противность указам, ибо от этого никакого казенного ущерба нет; какой же от прядуновской нефти последовал вред и даже смертные случаи и кого именно Прядунов лечил, о том Медицинская контора не объявила, и Берг-коллегия своего ведомства людей, прежде не осмотрясь и не опознав, не должна так по глухому и неосновательному требованию тотчас отдавать и послушать прокурора, как только он предложит, и прокурору вовсе не надлежало Правительствующему Сенату представлять и в напрасное затруднение

приводить, ибо по усмотрении истины и перепискою между собою Берг-коллегия и Медицинская контора могли бы согласиться, постановить и публиковать, к какому употреблению та нефть пригодна. К сему же Берг-коллегия представляет, что мазаньем этою нефтью советник Берг-коллегии Чебышов получил разгибание перстов у руки, о чем он не раз коллегии представлял и прокурор знал; генерал-майор Засецкий в руках и ногах получил движение, о чем дал и письмо Прядунову, и от других слышно, что также получили пользу от нефти, и потому не повелено ль будет Медицинскому факультету эту нефть по искусству медицины и химии экспериментовать, а Прядунову объявлено, чтоб он ее до указа никому не продавал; притом Прядунов подал в Берг-коллегию доношение, что свою нефть он в Гамбург для пробы посылал и, какова она там по пробе явилась, о том приложил присланный ему неведомо от какого доктора Миллера аттестат, и просил, чтоб его для поправления завода отпустить и впредь позволить добываемую им нефть продавать. Сенат решил дело так: Прядунова отослать в Медицинскую канцелярию и с нефтью относительно продажи конторе Берг-коллегии сноситься с Медицинскою канцеляриею. Берг-коллегия в этом деле поступила очень непорядочно: допустила Прядунова жить в палате, где ее лаборатория, и он там нефть продавал; лаборатория не для того учреждена, а для свидетельства руд и минералов; коллегия не отсылала Прядунова в Медицинскую канцелярию и требовала от нее известия, кому Прядунов вред сделал, тогда как ей не подлежало в чужие дела вступаться, не обратила внимания на представление прокурора и дерзко об нем отозвалась, наконец, и сенатского указа не послушала. За такие непорядочные поступки наложен был на членов Берг-коллегии штраф вычетом из жалованья.

Меры правительства к охране народа от лихих людей по-прежнему оказывались недостаточными, по-прежнему разбои производились в широких размерах. Назначенный для сыску воров и разбойников премьер-майор Горбунов доносил в 1749 году, что в Брянском уезде злодеи появились, войско на них нападало в лесу и взяло несколько человек с атаманом и часть добычи, в собрании их было по выходе из-за польского рубежа 14 человек; в апреле месяце из-за границы прошло в Россию 17 числа - 30 человек, 29 числа - 15, 30 - около 50, и ходят по Брянскому уезду; немалое число таких же злодеев находится за границею, собираются идти в Россию. Это было подле границы; но скоро пришло известие от Московской губернской канцелярии, что в Московском уезде разбойники жгут обывателей в их домах и появились на Переяславской, Углицкой и Александрослободской дорогах; в 18 верстах от Москвы по Серпуховской дороге убили ассессора Ладыженского в деревне его и дом его совершенно пограбили. Определенный в Вятской и Пермской провинциях для искоренения воров и разбойников секунд-майор Есипов уведомлял о появившейся на реке Вятке воровской компании и как он на нее напал и имел с нею немалую *суктицыю*. Сенат приказал написать Есипову, чтоб в искоренении злодеев имел крайнее старание, а впредь в доношениях своих таких речей, что имел с ворами *суктицыю*, отнюдь бы не писал, а писал

российским диалектом. В Олонецком уезде поручик Глотов поймал немалое число разбойников, которые показали, что товарищи их живут в Каргопольском уезде в особом лесном разбойничьем стану; для поимки их Глотов послал партию, которая встретила в лесу двоих крестьян. Крестьяне эти рассказывали, что по лыжному следу дошли они до избы, из которой вышли три человека и начали звать их в избу, грозясь убить их, если не войдут; звероловы, войдя в избу, увидели ружья, рогатины, догадались, куда попали, и подслушали, что разбойники советуются их убить, чтоб не были на них языками (не донесли на них). Двое разбойников пошли в баню, а третий остался в избе; тогда один из крестьян напал на него и поколол ножом, после чего оба пошли к бане, заложили двери бревном накрепко, подошли к окну и одного моющегося разбойника застрелили из винтовки, другой начал ломиться в двери и когда вышел, то и его застрелили, переночевали в избе и утром, уходя, сожгли ее без остатка, чтоб другим ворах пристанища не было. Крестьянам этим было одному 20, другому 17 лет. Сенат приказал: сделать повальный обыск, и если миром одобрят крестьян, то отпустить их без всякого наказания. В Муромском уезде оказалось большое вооруженное собрание разбойников.

Приходили известия о разбоях особого рода. В 1749 году в Севскую провинциальную канцелярию подал прошение управляющий именными графини Чернышевой Суходольский: крестьяне госпожи его Башкирцев, Михайлов и Кислый с товарищами, крестьянами разных сел и деревень, человек до 3000, собравшись нарядным делом, с ружьями, шпагами, рогатинами и дубьем пришли на заводы госпожи своей Чернышевой - Летажский, Лупандинский и Крапивенский, пограбили хлеба четвертей до 1000 да вина более 800 ведер, целовальников побили и разогнали; потом, пришедши в слободу Бабинец в господский дом, управителя и людей били смертно и некоторых убили, дом пограбили; то же самое сделали в селе Радогоще. Шайки все усиливаются и, ходя по селам, бьют и грабят, старост и соцких от себя определяют. Рыльский помещик Поповкин собрался с разбойническою партией, с беспаспортными и беглыми рекрутами в числе 50 человек, пришел к помещику Нестерову в село Глиницы, произвел разбой и грабеж, причем двух человек убил до смерти. В 1750 году в Белгородской губернии была захвачена многолюдная разбойничья партия: воры и разбойники винулись во многих разбоях, воровствах, сожигании людей и показали на отставного прапорщика Сабельникова, что он держал разбойную пристань, отпускал их на разбой, брал долю из разбойных денег и сам ездил на разбой. Поручик Иван Мусин-Пушкин подал жалобу, что новгородская помещица девица Катерина Дирина вместе с родным братом своим Морской академии гардемаринном Ильею и родственниками дворянами Ефимом, Мелетьем, Тимофеем и Агафьею Дириными, с людьми и крестьянами в числе 50 человек приезжала в деревню его Кукино Новгородского уезда, произвела разорение и драку, причем убито было двое крестьян.

Так было в селах, преимущественно в отдаленных лесных местностях на севере и востоке и в Белгородской губернии, прежней московской уkraine, издавна известной беспокойным характером своих жителей. Обратимся к любопытным явлениям в городах. Здесь иногда происходили междоусобия между частями народонаселения. Кирпичники города Коломны Митяевской слободы, 21 человек, жаловались на обиды от коломенских купцов и выпросили, чтоб дело их было рассмотрено членом от Главного магистрата и членом от Московской губернии. Но прежде решения дела приписали их к купцам в посад и отдали в команду под магистрат. Ямщики обратились снова с жалобой, что в Коломенском магистрате, которому они теперь стали подведомственны, ратманы Добычин и Бочарников, которые к ним в Митяеву слободу приезжали и с прочими купцами дворы их разбивали, их смертельно били и мучили и едва не сожгли их всех в доме, куда они скрылись в числе 27 человек, и приезжали нарядным делом, скопом и заговором, с дрекольем и пожарными крючьями, у церкви били в набат, приезжало человек до 200 коломенского купечества. Потом привезли их в магистрат, и сторож, заковывая кирпичника Колчина в ножные железа, убил его до смерти; ратманы с смертными побоями начали от них требовать, чтоб показали, что купцы к ним не приезжали, разорения и пожара не производили и Колчин в магистрате не убит, а взят был больной и в магистрате умер от воли божией; и кирпичники, видя над собою бесчеловечное мучение, подписались.

Но и подобные столкновения в городах происходили преимущественно в прежней уkraine, в Белгородской губернии. Брянские купцы Григорий, Иван и Кузьма Кольцовы жаловались, что ночью напали на их брата Григория разбоем на большой Смоленской дороге брянского помещика Ивана Зиновьева люди и завезли его к помещику во двор в село Бежичи, где Зиновьев его бил и держал на цепи в приворотной избе. По просьбе остальных братьев Григорий освобожден был оттуда посланными из Брянской воеводской канцелярии, и по суду здесь разбой Зиновьева был доказан; но он, избывая следствия, не подавая жалобы в Брянске, просил в Главном магистрате на двух братьев, Ивана и Кузьму, будто бы приезжали к нему в дом и бесчестили его. По его челобитью Главный магистрат определил исследовать дело Севскому провинциальному магистрату, и, однако, дело в Севск не передано, Главный магистрат потребовал Кольцовых на суд прямо к себе, и они принуждены выслать поверенного посадского Бадулина; а между тем в Главный магистрат определен обер-президентом близкий родственник Зиновьева Степан Зиновьев. Новый обер-президент судил суд по родству: поверенного Бадулина держали в цепи и железах под караулом, и судные речи говорил он в цепи. Иван Зиновьев, сообщая с коллежским ассессором Афанасьем Гончаровым (который купил в Брянске верхние и нижние дворцовые слободы), начал действовать против Кольцовых: прикащик Гончарова и люди Зиновьева нападали на них в городе и хвалились убить до смерти; Зиновьев, захватя посадского Меренкова, который был поверенным Кольцовых в Брянской воеводской канцелярии, бил его немилостиво и грабил, а Гончаров

жаловался на Кольцовых в Сенате, будто они приступали ко двору прапорщика Юшкова, где скрылись прикащик его и крестьяне; потом Гончаров подал в Главный магистрат прошение, что Кольцовы и с ними 700 человек купцов приступали к его конюшенному двору и стреляли из ружья по его крестьянам, вследствие чего Главный магистрат определил их забрать в Москву к следствию. Сенат велел сделать запрос в Главный магистрат обо всем деле и присутствовал ли обер-президент Зиновьев при разбирательстве дела своего родственника. Главный магистрат тянул время, отделяваясь всеми средствами от подачи ответа Сенату, и вдруг обвинил Кольцовых за беспорядки по брянской таможне. Но Сенат потребовал, чтоб прежде этого нового дела Главный магистрат дал ответ по старому; тогда Главный магистрат донес, что ответ надобно писать на гербовой бумаге, а Кольцовы не являются в Главный магистрат и бумаги не дают, следовательно, ответа за неудачу гербовой бумаги писать не на чем. Сенат приказал подать ответ на гербовой бумаге, купив ее на деньги Главного магистрата, который взыщет потом их на Кольцовых.

Но в то время как Главный магистрат искал гербовой бумаги, дело разыгрывалось в Брянске. Гончаров жаловался, что у него ушли крестьяне - 21 человек; прикащик Гончарова Зайцев объявил, что беглые живут в городе и, стоя по переулкам днем, нападают на других крестьян господина его, бьют и режут их рогатинами, ножами и кинжалами, отчего крестьяне находятся при смерти. Брянская воеводская канцелярия, которой велено было сыскать беглых, доносила, что военная команда от этой поимки отказалась по недостатку людей; магистрат отказался под предлогом, что у него с Гончаровым приказные ссоры по поводу Зиновьева и Кольцовых; беглые крестьяне заперлись на одном дворе, и малою командою взять их никак нельзя, хотя канцелярия и оцепила двор караулом. Караульщики донесли, что к беглым приходил поп Максимов от Архангельской церкви с братом Егором и с брянским купцом Коростинным, который нес образ, и, побывши на дворе, ушли обратно. Только что эти ушли, смотрят - идет другой поп, Секиотов, с образом от Рождественской церкви, образ несут брянские купцы Коростин и Сериков. Канцелярия поручила схватить беглых прапорщику Федосееву, назначенному для сыску воров и разбойников; прапорщик донес, что ходили к избе, но беглые, имея при себе огненное ружье, копы и бердыши, взять себя не дали и объявили, что живы в руки не дадутся; в то же время и брянских посадских выбежало человек до ста умышленно с дубьем, а от полицмейстерской конторы определенные на карауле помощи не дают, должно быть по согласию; попы и монахи проходят к беглым беспрепятственно: еще прошел с образом поп Григорий от Николы Чудотворца и два монаха брянского Петропавловского монастыря.

Явился для поимки беглых Рязанского полка капитан Махов и сделал распоряжение, чтоб легче взять крестьян, разломать заборы соседних дворов; но посадские ломать заборов не дали, и посадский Коростин с товарищами кричал, что если сам полицмейстер или воевода придут

ломать их заборы, то они их самих кольем побьют до смерти или животы распорят ножами, а если капитан Махов придет с командою и хотя один кол выломает, то сам на кол посажен будет; если же кто на двор их взойдет и овощи потопчет, то голову положит. Брянская полиция с своей стороны доносила, что она потребовала от магистрата, чтобы он собрал посадских для взятия злодеев и чтоб посадские ничем не ссужали последних; магистрат отмолчался, тогда полиция прямо обратилась ко всем обывателям, чтобы подписались в слушании и исполнении предписания, но никто подписываться не стал, а беглые натаскали большие кучи камня и песку, на крыши встали огромные колоды и повесили на веревках: если осаждающие подойдут близко, то станут метать камнями, сыпать в глаза песком и с изб опускать привязанные колоды. Махов послал к беглым крестьянам капрала Салкова для увещания их и с вопросом, будут ли слушать указ; крестьяне отвечали, что указ слушать будут, причем объявили, что приходил к ним брянский воевода и говорил: ступайте к Гончарову, он вас бить не будет и станете жить в домах своих; а не хотите идти к Гончарову, то разойдитесь куда-нибудь, и они ему отвечали, что идти им некуда. Махов, взявши всю свою команду, пошел ко двору беглых крестьян, и, не доходя сажен ста до двора, команду оставил, и один пошел к беглым; но они на двор его не пустили и сидят все на крышах и у заборов стоят на примощенных лавках, почему принужден был стоять на улице и увещевал, чтоб отдались, в противном случае поступит с ними, как с противниками указов, говорил более часа, но те никакой склонности не показали, а кричали страшно, зверским образом. Тогда он велел приступить команде и читать копию с сенатского указа; крестьяне выслушали и крикнули, что указ воровской, Сенат указ своровал и дал Гончарову за великие деньги и генерал команду дал за деньги же, взявши с Гончарова до 2000 рублей, да и он, капитан, взял до 100 рублей или и больше; и приступили они, крестьяне, к забору с ружьями, рогатинами и бердышами и кричали, что если команда будет их брать и хотя одного человека поворочит или забор велит ломать, то они всех перестреляют и переколют, а если силы их не будет, то сами себя перережут, а живыми в руки не дадутся.

Махов для устрашения беглых велел у соседних посадских обывателей разобрать заборы; но хозяева домов разобрать заборов не дали и таким же свирепым образом на Махова и команду его кричали, если хотя за одну заборню тронутся или по огородам их пойдут, то всех побьют до смерти. И, опасаясь, чтоб команды не побили до смерти, Махов разобрать заборов не велел. Беглых на дворе было человек 50 да позади их двора на огороде посадских с кольями и дубьем человек до 300, а прочие, стоя на улицах и на кровлях домов своих, кричали необычайным образом, угрожая бить команду до смерти. Махов, увидав сообщение посадских с беглыми, принужден был с командою отступить и поставил по концам улицы с двух сторон двора, где сидели беглые, караул. Нужно было бы поставить караул на дворе Коростина, где колодезь, из которого беглые брали воду, но Коростин и посадский Мамонов с товарищами кричали, что, кто взойдет на

двор Коростина, тот будет убит. 300 человек посадских не дали поставить караула и сзади двора, говоря, что пришли не команде помогать, но охранять свои огороды. Махов доносил, что находится с командою своею в превеликом страхе и ежеминутно ожидает нападения; крестьян можно взять целою ротою, и то если посадские не вступятся. Гончаров подал просьбу в Сенат на послабление Брянской воеводской канцелярии: она выпустила двоих его беглых крестьян, которые бежали за границу; канцелярия сделала это по злобе, ибо ей не велено ведать его вотчин; Брянский магистрат и жители Брянска беглых его крестьян держат у себя и не отдают; и оставшимся его крестьянам делают всякие обиды и разорения, нигде проходу и проезду не дают; беглые, засевшие в Коростине улице, называют свое воровское собрание комиссиею. Брянчане, по его словам, привыкли противиться указам и сами хвалятся: у нас многие комиссии и капитан Шпорейтер с командою если б в городке не отсиделся, то был бы без головы, и то дело так изволочилось, и многие комиссии, поволочась, отстали. Сенат по этим донесениям и жалобам велел Военной коллегии послать в Брянск штаб-офицера и если крестьяне не сдадутся, то поступить с ними как со злодеями, но только в самой крайней нужде.

Здесь представляется нам в обширных размерах столкновение между сословными частями городского народонаселения, в других местах встречалось такое столкновение в меньших размерах: так, в Серпухове титулярный советник Казаринов приходил многолюдством на двор купца Серебренникова, разломал забор, порубил садовые деревья, разломал баню и овладел огородною землею. В Белгороде мы видели сильное столкновение между купцами по поводу выборов в магистрат, причем Главный магистрат был обвинен Сенатом в неправильных действиях и штрафован. Скоро Главному магистрату представился случай привлечь к следствию враждебного ему президента Белгородского магистрата Андреева. Белгородский купец Степан Прокопов подал жалобу: вместе с купцом Есиповым требовал он в Белгородском магистрате установленного законом свидетельства к подряду на поставку провианта в днепровский магазин. Но президент Андреев с товарищами, злобясь на них за то, что они были в числе тех, которые не соглашались на избрание Андреева и товарищей его в магистратские чины, отреклись дать требуемое свидетельство, разве просители дадут им за него большую взятку; тогда они, Прокопов и Есипов, принуждены были дать пять векселей: на имя президента Андреева - в 500 рублей, бургомистра Денисова и троих ратманов - на каждого по 50 рублей. Давши взятку, Прокопов и Есипов донесли об этом в Главный магистрат и просили об исследовании. Главный магистрат жаловался также на Андреева, что он членов Главного магистрата называл государственными ворами. Сенат велел исследовать дело в комиссии о фальшивых векселях.

Мы видели, как недоставало в России рабочих сил, как они потому были дороги; казна и частные промышленники перебивали друг у друга рабочих, и по этому случаю Нижегородский магистрат был изобличен в насильстве.

Одного из работников, нанявшихся для отправления корабельных лесов, президент Нижегородского магистрата Жуков бил батожем нещадно, другого вытолкал в шею из магистрата; когда били работника, то приговаривали: не нанимайтесь на лесные, нанимайтесь на промышленные суда! Чтоб застрашать посадских людей, отклонить их от найма на лесные суда, Жуков нанявшимся на последние давал паспорта с прописью, что им в работе быть только на лесных судах и никому другому их в работу не принимать. Жуков за это присужден был к уплате 180 рублей штрафа, бурмистр - 120 рублей, ратманы заплатили по 50, земские старосты - по 25.

Воеводам трудно было уладиться с полициею; две силы сталкивались. Симбирский полицмейстер жаловался, что воевода Колударов вступает в полицейские дела, приказывает полицмейстера и команду его ловить, грозитя его, полицмейстера, бить кошками и людей его ловить и в тюрьму сажать и платье с них велит обирать; рассыльщики Колударова полицейскую команду бьют без всякой причины, и он, полицмейстер, ездить для исправления своей должности боится, чтоб по старости его не изувечили; полицейской должности править некому, ибо осталось команды три человека, и те стары и дряхлы; а подьячий один, и тот престарел и слеп, копиистов и пищиков нет, а вольным ходить для письма в полицейскую контору воевода запретил. Полицмейстер терпел притеснение от воеводы, а воеводе доставалось иногда от другой силы. В Севске товарищ воеводы Борноволокос занимался в канцелярии делами, как вдруг присылает к нему генерал-майор Караулов, находившийся в городе для рекрутского приема, и велит явиться к себе; Борноволокос отвечает, что занят важными делами и потому благоволил бы генерал требовать по указному порядку от провинциальной канцелярии письменно или хотя и словесно, по чему надлежащее исполнение последовать непременно имеет. Тогда Караулов прислал за ним двоих унтер-офицеров с угрозою, что если не пойдет, то пришлет команду вытащить его под караулом. Борноволокос пошел и был встречен ругательствами, с него сняли шпагу и повели рынками и по улицам в торговый день, в пятницу, в батальонную канцелярию. Сенат велел судить Караулова военным судом.

От описываемого времени дошло до нас известие, в каких домах жили губернаторы и воеводы; из описания этих домов мы можем получить некоторое понятие об обширности и удобствах городских жилищ в России в половине XVIII века. В 1749 году Камер-коллегия подала мнение, что в губернских городах для губернаторов строить дома о 8 покоях и зал был бы между углов 10 аршин, а прочие покои - от 8 до 6 аршин, три или две избы людских, поварня, два погреба - сухой и ледник, баня, сарай для экипажей, конюшня о 12 стойлах, канцелярия о 8 покоях; в провинциальных городах воеводам дома строить о 5 покоях, а в приписных - о 4. Сенат согласился.

В описываемое время правительство должно было иметь дело с движением рабочих на одной из самых значительных фабрик. В 1749 году содержатель

суконной фабрики Ефим Болотин с товарищами объявил, что рабочие в числе более 800 человек неизвестно с каким умыслом оставили суконное дело и работать не хотят. Мануфактур-коллегия спросила оставшихся при деле рабочих о причине; те объявили, что не знают: заработные деньги все получают по указу сполна, без удержания, и работу фабриканты дают беспрерывно, на фабрике 170 станов, при них в работе находилось более 1000 человек. Коллегия всем присутствием отправилась на фабрику для увещания; но возмутители объявили, что они об обидах от фабрикантов и беспрестанных жестоких наказаниях подали прошение императрице и пока указа не последует, до тех пор на работу не пойдут. Все увещания остались тщетны. Тогда пятерых заводчиков мятежа высекли кнутом; но и после этого рабочие объявили, что в работу не пойдут; пошло только человек 20, потом вступило в работу еще 286 человек; но в бегах осталось 586. Сенат приказал: заводчиков смуты бить кнутом и сослать в Рогервик, других бить плетью и принудить к работе. Через несколько времени Болотины, ставившие в казну по 100000 аршин сукна, объявили, что теперь больше 80000 поставить не могут, ибо по причине московских пожаров долгое время работы не было, сгорел дом Суровщикова, где производилась часть суконного дела, да и на всей их суконной фабрике за уборкою материалов и припасов от пожара в кладовые палаты, и за разломанием некоторых деревянных строений, и вследствие того, что у многих мастеровых людей сгорели дома, работы не производились; кроме того, они терпят недостаток в людях, ибо после ревизии убыло у них по разным случаям более 200 человек. Они узнали, что в гарнизонных школах в Москве и по городам солдатских и зазорных детей немалое число, из которых многие не только к военной экзерциции, но и к словесному учению непонятливы, а жалованье и содержание им производится; поэтому они, Болотины, требуют, чтоб повелено было из этих школ до 400 человек учеников начиная от 12 лет, которые еще для службы молоды, определить к их суконной мануфактуре; они будут получать здесь задельные книги, и, когда достигнут 25 лет и годны будут в военную службу, тогда их в нее определить. По справке оказалось в Московской гарнизонной школе (которая разделялась на словесную и письменную науку) 300 человек да сверхкомплектных 545, и от 400 человек, отданных на фабрику, будет казне прибыли ежегодно 2841 рубль. Сенат согласился.

В конце 1749 года императрица приказала Сенату взять ведомости от всех шелковых фабрикантов, могут ли они выделывать на своих фабриках достаточное количество товара, так что можно было бы обойтись без вывоза шелковых материй из-за границы, потребовать ведомости также о золотых и серебряных галунах. Сенат донес, что русские фабриканты обязываются делать бархатов травчатых и гладких - 4590, косматых - 1680 аршин, итого 6270; штофов цветных - 9000, гладких - 17080, грезетов - 49477, свистунов - 10500, тафт травчатых и гладких - 41267, гродетуров травчатых - 400, подкладок - 500, коноватов персидских - 1050, кутней персидских - 600, лент разных сортов - 196846 аршин, чулков - 100 пар, платков разных цветов - 49244, кружев персидских - 200 косяков. По

справке обнаружилось, что таких шелковых иностранных товаров по всем российским гаваням в привозе было в 1746 году: бархатов гладких в кусках - 15722, следовательно, лишнего 9452 аршина, штофов - 28887, лишнего 2807 аршин; грезетов - 31492, меньше 17985; свистунов - 4880, меньше 5620; тафт - 47965, больше 6290; гродетуру - 17028, больше 16628; лент с золотом и серебром - 3 пуда 1/2 фунта; кружев - 16 кусков, многим меньше; платков - 14976 дюжин и 4 штуки да флеровых с золотом и серебром 79 платков, больше 10800, 72 дюжины и 4 штуки; чулок - 690 дюжин с половиною, больше 681 дюжина; в 1747 году в привозе эти шелковые товары были против 1746 года гораздо меньше, а именно: бархатов - 5655 аршин, штофов - 13846, грезетов - 15902, свистуну - 40 аршин, тафт - 13889, гродетуру - 9106 аршин; лент только флерентовых - шесть кусков да цветных и флеровых - 7 фунтов 56 золотников, а платков и кружев в привозе уже не было, чулков - 63 дюжины. Фабриканты плащильного, волоченого и пряденого золота и серебра объявили, что могут удовлетворить Россию без привоза иностранных произведений. Сенат решил представить императрице эту ведомость с следующим своим мнением: запретить привоз тех продуктов, которых производится в России достаточное количество; остальные привозить к одному Петербургскому порту, чтоб узнать, сколько тех шелковых товаров еще надобно. Так как указ Петра Великого от 31 января 1724 года о присылке в Сенат ежегодных рапортов о состоянии фабрик и образцов делаемых на них товаров не исполняется, то послать в Мануфактур-коллегию указ о неотменном его исполнении и потребовать отзыва, для чего не исполнялся, для положения штрафа на Мануфактур-коллегию. По просьбе шелковых фабрикантов велеть Сибирскому приказу вывозить из Китая сырец при казенном караване и отдавать в Мануфактур-коллегию, которая должна отдавать его на русские фабрики за наличные деньги, а не в долг.

По поводу знаменитой ярославской фабрики Затрапезного вскрылось дело, любопытное по отношению к нравам времени. Фабрикою заведовал майор Лакостов, зять умершего фабриканта Ивана Затрапезного, и заведовал ею только до совершеннолетия малолетнего шурина своего Алексея Затрапезного, которого он, по его выражению, определил к наукам для немецкого языка и арифметики. Меньшая дочь покойного Ивана Затрапезного вышла замуж за шелкового фабриканта Данилу Земского, который вскоре после женитьбы своей начал подкапываться под Лакостова; тот подал жалобу в Мануфактур-коллегию, что Земский шурина своего Алексея Затрапезного от учителя Жилкина из школы украл, вместо честных наук купил ему голубей, держал его в доме своем в праздности и играх два месяца, возил его в Ярославль и, отлуча от наук, велел его там оставить без всякого призрения; юноша стал развращенным и непристойным, в самой пагубной праздности ходя по улицам в непристойной одежде, а иногда в балахоне, играл с фабричными ребятами в бабки. Тот же Земский в приезд свой в Ярославль на порученную Лакостову мануфактуру заводил между людьми смуту, чтоб мастера Лакостова не слушали, тещу свою Затрапезнову привел к тому, что она с

того времени говорила: "Все Данилушкино"; а теща эта не в своем уме, что известно и Мануфактур-коллегии. В 1744 году по общему согласию другого свояка, Балашова, жены его и третьей свояченицы, вдовы Сусанны Болотиной, и по просьбе самого шурина Алексея Затрапезного Лакостов опять определил его к наукам, послал в Нарву, а в 1747 году перевел в Ригу. Земский отправлял нарочно человека своего в Нарву и Ригу, чтоб вторично украсть шурина или выманить, послал воровское письмо от имени тещи, которая писала, чтоб без благословения ее не ездил за море, куда хочет послать его Лакостов.

Относительно печального состояния тещи своей Лакостов ссылался на Мануфактур-коллегию. Действительно, в этой коллегии находился рапорт асессора ее Меженинова об осмотре фабрики Затрапезнова: на фабрике товаров и наготовленных для их производства материалов много, но покойного Затрапезного вдова в постоянном своем пьянстве сильно вредит фабрике: запрещает мастерам повиноваться зятям своим Лакостову и Балашову, называя их людьми посторонними и твердя, что настоящий господин фабрики - это ее малолетний сын и потому она имеет над ними власть; мастера, заискивая ее милости, пьют постоянно с ней вместе и от этого не так исправно исполняют свои обязанности, а рабочие люди находятся в таком бесстрашии, что при нем случилось у них и смертное убийство; на приходящих для покупок на фабрику всяких людей вдова Затрапезного мечется как бешеная, потому что всегда пьяна, кусает, дерет, кидает ножами, вилками и всем, что попадет под руку, и таким образом мешает приходить на фабрику, да и сам он, Меженинов, спасен был от ее побоев только помощью зятя ее Балашова, ибо она удивительную имеет силу. При нем же приезжал на фабрику сын ее и разглашал, будто бы фабрика отдается третьему зятю, Даниле Земскому, и мать его от великой любви к этому зятю своему беспрестанно повторяет: "Все Данилушково!" А молодой Затрапезнов хотя по дурному воспитанию своему и по природе очень глуп, однако Лакостова и Балашова ругать и Земского хвалить твердо навывок. Несмотря на это донесение Меженинова, Мануфактур-коллегия решила оставить без внимания жалобу Лакостова на Земского по поводу писем к молодому Затрапезнову в Ригу, ибо эти родственные письма с приглашением приехать на свидание ничего преступного в себе не заключают, вымыслов и подлогов и Лакостову обиды никакой нет, а если Земской мешает ему в управлении мануфактурою, то он бы прямо жаловался на это, не примешивая посторонних дел; Затрапезный же в таких уже летах, что может сам жаловаться на Земского, да и не видно ниоткуда, почему бы Лакостов должен был иметь большее влияние на него, чем другие родственники. Тогда Лакостов перенес дело в Сенат, который решил, что Мануфактур-коллегия поступила неправильно, не дав суда Лакостову с Земским, ибо в прошении первого указаны были преступные поступки второго, именно выкрадывание шурина от учителя, и возбуждение фабричных, и письма в Ригу действительно составные, воровские; определено за это в Мануфактур-коллегии взыскать штраф в 500 рублей.

Относительно промышленного и торгового значения Ярославля замечательна следующая просьба, поданная ярославскими и других городов купцами Кузьмою Зеленцовым с товарищами, всего 54 человека: при Петербургском порту главный торг юфтяный, а ярославское купечество исстари занимается кожевенным промыслом, оно же привозит к Петербургскому порту воск, щетину и русаков, т. е. невыделанных зайцев, на большую сумму; только от непорядочных браковщиков-иноземцев купечество приходит в упадок, потому что браковщики все иноземцы, и присяжные ль они или неприсяжные, того русское купечество не знает, да и тех иностранные купцы посылают не по очереди, не по выбору, по своей воле, который браковщик угождает им, тот и бракует, и от русских купцов о неправильном браке представления и спору как иностранные купцы, так и браковщики не принимают. При таком непорядочном браке бедный продавец принужден терпеть и дает браковщику волю, чтоб он, мстя за справедливое представление, еще более не оуждал товара, да и для того, когда иностранный купец купит юфти у многих русских продавцов, а за уменьшением числа браковщиков всего товара скоро не перебракует и, в то время как идет брак, привезут к порту еще юфти, или, по заморским известиям, цена упадет, тогда иностранные купцы прикажут браковщику забраковать ту юфть, которую они купили высокую ценою; бедные продавцы принуждены поневоле иностранного купца удовлетворить сбавкою цены; если же продавец не захочет цены уменьшить и станет продавать другим иностранным купцам, по согласию их между собою другой иностранный купец забракованного товара как негодного не покупает и длит время, чтоб получить наибольшую сбавку цены, вследствие чего продавцы должны с горестью продавать, делая немалые уступки. Если же русский купец станет торговать их заморские товары да упомянет, чтоб товар перебраковать, то, как только услышит иностранный купец это слово, сейчас вышлет покупщика вон из анбара, и сделается ему на будущее время неприятелем, и во многие конторы объявит об нем, чтоб ему не продавали, и так пред русским спесиво себя ведут, что о правде слышать не хотят; особенно разоряют небогатых русских купцов, которые берут у них иностранные товары в долг с великими в ценах передачами и обязываются русские товары ставить по контрактам низкими ценами, отчего многие лишились промыслов своих и впали в неоплатные долги. Петербургские и других городов купцы Солодовников с товарищи в прошении своем написали, чтоб браковать юфти знающими людьми, и представили петербургских купцов Беякова и Вавилова, не справясь с знатными купцами и кожевенными промышленниками, и определили за брак юфтей платить русским купцам по 2 копейки с пуда, а не так, как при браке пеньки и льна браковщики получают половину с русских и половину с иностранных купцов, и от такого учреждения с обеих сторон безопасность. Коммерц-коллегия определила Беякова и Вавилова браковщиками; но они люди незнающие, объявляют негодную кожу с дырами, но на кожевенных заводах всякая кожа делается с дырами, и без того обойтись нельзя. Потому ярославские купцы просили Сенат

рассмотреть дело, Белякова и Вавилова отрешить и вместо них определить из ярославского купечества Григория Истомина, знатного мастера, да в товарищи к нему ярославского купца Швылева, а к ним двоих иноземцев и привести всех их к присяге; кроме того, прислать на Гостиный двор члена Коммерц-коллегии или портовой таможни, собрать браковщиков и русских юхотных купцов и сообща учредить юфтям брак порядочный; также учредить брак и прочим иностранным и русским товарам, давши браковщикам инструкцию. Сенат приказал: быть браковщиками юфти Истомину и Швылеву, привести их к присяге, дать инструкцию и сделать все так, как просили ярославские купцы.

Редко которая коллегия не чувствовала власти Сената, отменявшего ее решения и налагавшего денежные штрафы за неправильные, по его мнению, приговоры. Прокурор Юстиц-коллегии Жилин донес, что в некоторые дни присутствующие съезжаются в разные часы и, хотя все в собраниях бывает, только следственных дел не слушают, а читают сами положенные пред ними журналы по делам о переносе из города в город и о записке духовных, и в этом чтении почти все время проходит, пока ударит час выходить всем из коллегии; иные подпишут прочтенные журналы, а другие оставляют без подписания, и затем следственные дела поныне остаются без решения, да и от челобитчиков происходят в нерешении дел беспрестанные доуки. Сенат послал в коллегия принести неподписанные журналы; посланный, возвратясь, объявил, что в коллегии присутствующих никого нет; тогда Сенат послал капитана сенатской роты с приказом, что когда присутствующие в коллегия съедутся, то за поздний приезд держать их под караулом безысходно. Советник Юшков объявил, что опоздал, потому что в его доме потолок провалился. Сенат приказал: по такой законной причине освободить его из-под ареста.

В Духовной коллегии, в Св. Синоде продолжались также несогласия между членами и обер-прокурором. В 1749 году князь Шаховской писал императрице: "Я не премолчая со оными членами о том, что, когда, усмотря по Божеским и вашего импер. величества законам в неисполнении оставленное ими не по силе тех производимое, спорю; за то часто не токмо на меня сердятся и многими словами персонально оскорбляют и заочно, уповаю, и жалобы на меня произносят. И тако мне против многих спорить, определенному и разными опасностями окруженному, единое только есть спасение и покров правосудие и милость вашего импер. величества. А мне б то была наивысочайшая милость, когда б мои поступки и для соблюдения вашего импер. величества интересов ревностные домогательства и с синодальными членами не заедино их жалованье и доходы, но также за упущение экономических порядков и за раздачу в великовотчинные архиерейские дома и монастыри на строение без надлежащего прежде о доходах и остатках отчета более 40000 рублей из казны вашего импер. величества денег и за несобирание в Синод оставшихся в епархиях и монастырях после духовных персон пожитков (в коем числе одних денег и червонных более 20000 рублей находится) и по прочим таковым же делам

споры и против всех приносимых на меня жалоб персонально пред очьми вашего импер. величества при них самими делами доказать и оправдаться позволено было".

Шаховской мог указывать также на медленность Синода в исправлении и издании Библии, медленность в деле, которое особенно занимало Елисавету как завещанное отцом. Мы видели, что исправление Библии было поручено архимандриту Илариону. Оказалось, что в Феофилактовской (Лопатинского) исправленной Библии во многих главах и стихах текст с текстом старой печатной Библии и ни с какими греческими кодексами не согласен, иные стихи переменены, другие дополнены или убавлены и главы некоторые начинаются не оттуда, откуда по греческим кодексам должны начинаться, а по указу Петра Великого велено именно эти несогласия исправить согласно с греческим переводом 70 толковников. 17 ноября 1746 года определили: перемены речей у Феофилакта выносить на брег (на поля), а старые речи писать в тексте на ряду; что же касается до перемены в разуме, также прибавки или убавки стихов или перемены глав, то смотреть на сделанные выписки из разных греческих кодексов, а если сыщется хотя в одном кодексе так, как в старой печатной, то оставить так и в том разуме, как в старой печатной, а если ни в одном из греческих кодексов не сыщется так, как в старой печатной лежит, то представлять на рассуждение Синода. 9 января 1747 архимандрит Иларион подал доношение, что усмотрел он много в старопечатной Библии таких речей и целых стихов, которые противны новоисправленной Библии, а исправить то по надлежащему невозможно, и притом, объявляя о своем греческого языка незнании и что он глазами, трудясь при чтении той Библии, ослабел, просит от того библейского труда увольнения в Воскресенский монастырь, где ему, будучи настоятелем, и жалованье, ныне на библейский труд даемое, производить. Синод определил Илариона уволить, а из Киева вызвать двоих иеромонахов, знающих греческий язык. В экстракте о библейском деле, поданном императрице, в конце находится замечание, должно быть обер-прокурорское: "И тако Св. Синода члены от порученного им именными ее императорского величества указами библейского исправления сами отбив, разным персонам оную поверяя, за разными же сумнительствы оное дело бесконечно продолжают, и жалованье вотще употребилось. А когда и означенные киевские монахи одни токмо без искуснейших к тому из синодальных членов исправление Библии учинят, то по примеру вышеозначенных перемен чаятельно, что паки и потом сумнительствы еще какие изобретут".

Иеромонахи начали исправлять Библию; показалось долго, и 1 марта 1750 года Синод получил указ: печатать без всякого отлагательства. 10 июля началось печатание; 8 сентября новое требование, чтоб Синод подал ведомость, в каком положении находится печатание Библии? Синод доложил, что начавшееся 10 июля 1750 года печатание производилось без перерыва; что же касается того, в какое время все пророческие и маккавейские книги могут Синодом быть освидетельствованы и

исправлены, того показать точно не можно, ибо хотя Синод о сем и беспрестанное попечение имеет, но понеже многотрудные в них находятся к разобранию места, каковые наипаче состоят в пророчествах, к тому же в Синоде сверх того библейского исправления завсегда происходит слушание и других многих текущих и неотлагаемого решения требующих дел, не упоминая о епаршеских.

Из дел, слушанием которых занимался Синод, заметим следующие: тверской архиепископ Митрофан жаловался на обиды, причиняемые духовенству светскими людьми: 1) ржевский воевода Венюков избил батогами дьякона Преображенской церкви Барсова; следствие провинциальною Тверскою канцеляриею произведено, но решения нет; 2) майор Свечин священника Тимофеева бил по щекам и проломил голову тростью, о чем провинциальная канцелярия до сих пор следствия не произвела; 3) полицмейстер Тархов пономаря Григорьева велел бить плетью, сам бил тростью и едва оставил жива, следствия не произведено; 4) ржевский помещик Юрьев бил батогами приходского своего священника, отчего тот и умер; началось следствие, Юрьев бежал и до сих пор не сыскан; 5) Ржевского уезда вотчинник капитан Новокшенов с людьми и крестьянами приехал к священнику, бил его, жену и детей дубьем и кольем, одного сына увез и держал пять дней скована; 6) Кашинского уезда села Фроловского вотчинник гвардии поручик Фамендин священника за невенчание людей его без венечных памятей бил по щекам и дубиною и принудил венчать; 7) Старицкого уезда помещик прапорщик Поликарпов принуждал священника венчать крестьянина с десятилетней девочкою и за неисполнение пришел с людьми в дом его, грозясь убить; священник спрятался; тогда Поликарпов велел разломать его избу, имение все пограбил, дочь и сноху его травил собаками. В ведении Синода Сенату по поводу этих жалоб было выставлено, что в светских командах по консисторским промемориям следствий не производят, а принуждают обиженных с обидчиками вступать в суды по форме и за теми делами волочиться; а обиженные духовные особы представляют, что они в суды вступать, бумагу гербовую давать и за делами волочиться по скудости и земледельству не в состоянии, особенно же за отлучкою их от церквей в отправлении службы божией и мирских треб последует остановка. Сенат решил: поступить во всех этих делах по силе указов, а требование Синода, чтоб обиженных не привлекать к суду по форме, исполнить невозможно.

Синод обвинял и Главный магистрат в потачке раскольникам. В 1749 году Синод сообщил Сенату, что в городе Ржеве-Володимерове раскольники выбрали бургомистром в магистрат купца Чупятова, который хотя в явный раскол и не был записан, но жил с отцом своим, записным раскольником, в одном доме и тайно держался раскола, ибо в церковь никогда не ходил. Главный магистрат утвердил Чупятова, который своих родственников и прочих злых раскольников всячески защищает и живущих у них пришлых учителей прикрывает. Сенат велел послать в Главный магистрат указ об

отрешении Чупятова. Но в следующем году по тому же поводу Синод жаловался опять на Главный магистрат, Тверской магистрат, Тверскую и Ржевскую провинциальные канцелярии: во Ржеве при ревизии записались вновь в раскольники 187 человек и крестили многих православных; детей своих, крещенных православными священниками, учат своим ересям, в домах своих имеют потаенные мольбища и держат у себя учителей - раскольнических старцев, стариц и бельцов с Ветки и из других мест; хотя в 1746 году, в бытность в Ржеве архиепископа Митрофана, некоторые по его увещанию и показались склонными к обращению, но предводителем своим Андреем Свешниковым от того были удержаны; хотя этот Свешников вместе с купцом Кудряевым и другими и были присоединены к православию, однако опять возвратились в раскол и, ходя по другим городам и уездам, рассевают лжеучения и развращают простой народ. К защите своей они отыскиали средство в Главном магистрате, который подтвердил указом Тверскому магистрату не отыскивать их и не отдавать к следствию в консисторию, вследствие чего подьячие и канцеляристы Ржевской воеводской канцелярии держатся раскола, несмотря на то что таким по указам у дел быть не велено. В 1747 году было послано из консистории отыскать раскольничьих учителей в деревнях Старицкого уезда Чурилове и Васильевской, но бургомистр, записной раскольник Константинов, имеющий у себя раскольничью пристань, вместе с крестьянами смертно прибил и ограбил этих посланных и отбил взятую ими женщину с раскольническими лжетайнами, а Тверская провинциальная канцелярия ничего за это не сделала.

Другие вести о расколе приходили с севера; в Устюжском уезде из Белослущкого стана из разных деревень сбежали тайно ночью крестьяне, записавшиеся по последней ревизии в раскол и не записавшиеся, всего 53 человека мужчин и женщин. За ними погнался прапорщик с солдатами, крестьянами и присланными из консистории священниками; он нашел беглецов в одном скиту, в котором с прежними беглецами набралось более 70 человек. Беглецы из окна переговаривали с священниками и на все увещания их отвечали: "Зачем приехали, то и творите, а у нас намерение положено одно, какое - сами знаем". Прапорщику прислан был указ: не брать беглецов приступом, чтобы не сожглись; но беглецы и без приступа зажгли скит и сгорели в нем все.

Предметом синодских занятий была также цензура книг. За неимением новых книг разбирали старые, и в 1749 году велено было отбирать книгу "Феатрон, или Позор исторический", переведенную с латинского Гавриилом Бужинским и изданную в 1724 году. В следующем году по именному указу взяты были из таможни объявленные в ней купцом Бузанкетом фарфоровые вещи в томпаковой оправе наподобие гусиных яиц, 14 штук, с изображением на них страстей Христа-Спасителя, Богоматери и св. угодников, которые к употреблению в них никаких мирских вещей неприличны; императрица приказала отдать их Бузанкету обратно с таким подтверждением, чтоб он не продавал их ни в Петербурге,

ни в других местах Российского государства под тяжким штрафом, отправил бы их за границу и впредь с такими изображениями никаких вещей, сосудов и прочих, которые кладутся в карманы, на столы, употребляются для стальных уборов, он и другие купцы отнюдь не выписывали и не вывозили.

Члены Синода по-прежнему были из малороссиян; духовник императрицы протоиерей Дубянский был малороссиянин; фаворит Разумовской был также малороссиянин. Мы уже говорили, что главным достоинством Елисаветы, несмотря на вспыльчивость ее в отдельных случаях жизни, было беспристрастное и спокойное отношение к людям, она знала все их столкновения вражды, интриги и не обращала на них никакого внимания, лишь бы это не вредило интересам службы; она одинаково охраняла людей, полезных для службы, твердо держала равновесие между ними, не давала им губить друг друга. Этому спокойному, беспристрастному отношению императрицы к людям кн. Шаховской обязан был возможностью сохранять свое трудное место, несмотря на сильную набожность императрицы, несмотря на то что иностранцы уже кричали о чрезвычайном влиянии, данном Елисаветою духовенству, несмотря на то что малороссияне должны были находить себе заступника в фаворите-малороссиянине. Но понятно, что там, где интерес малороссиян и Малороссии не сталкивался ни с какими и ни с чьими другими интересами, Елисавета охотно должна была выслушивать представления фаворита и охотно делать все то, что могло содействовать благосостоянию страны, откуда он был родом.

Мы оставили Малороссию пред восшествием на престол Елисаветы, когда главным правителем страны был генерал Кейт. Мы видели, что Кейт намекал Остерману, что надобно воспользоваться нерасположением малороссиян к великороссиянам и в число великороссийских членов управления ввести немца. Но план не был приведен в исполнение: Кейт скоро понадобился в Петербурге, и Остерман назначил главным правителем Малороссии своего приверженца из русских известного Ив. Ив. Неплюева. Но и Неплюев недолго пробыл в Малороссии. В конце октября 1741 года приехал он в Глухов, а 3 декабря приехал туда генерал Бутурлин с манифестом 25 ноября о восшествии на престол Елисаветы; Бутурлину было велено сменить Неплюева, отправить его в Петербург, а самому остаться правителем Малороссии впредь до нового распоряжения. Старшина и полковники поднесли за это известие Бутурлину 2000 рублей и выбрали троих депутатов - Апостола, Марковича и Горленко - для отправления в Петербург ходатайствовать по малороссийским делам пред новою императрицею. В январе 1742 года депутаты отправились и наняли себе в Петербурге квартиру - пять каменных палат в верхнем этаже за 14 рублей в месяц; извозчик с парюю лошадей стоил 40 алтын в день, сани и упряжь свои. Первые визиты были к генералу Ушакову, продолжавшему заведовать Тайною канцеляриею, и к канцлеру князю Черкасскому. Затем следовали другие вельможи, из которых только князь Александр Бор.

Куракин, любивший сильно попить, угостил депутатов, "напоил и накормил с особенной своею похвальной склонностью". Только на четвертый день депутаты были *по службе* у Алексея Григорьевича Разумовского, камергера, *нашего* малороссиянина. На шестой день после обеда были во дворце и имели аудиенцию у ее импер. величества. Государыня изволила стоять в присутствии дам и господ. Привет говорил пан полковник лубенский Апостол; на привет отвечал тайный советник барон Миних, обнадеживая милостию монаршею весь народ и партикулярно депутатов. После того допущены были к ручке ее величества.

Депутатов ласкали, часто приглашали по вечерам во дворец на оперы, "где девки италианки и кастрат пели с музыкою". Бывали у земляка Разумовского, у которого выпивали по 10 бокалов венгерского; ездили в Академию покупать книги, смотрели Кунсткамеру, глобус, библиотеку и другие диковинки; в Академии же были на лекции: профессор физики Крафт многие делал при них опыты стеклами зажигательными чрез микроскопиум композитум, чрез зажигательные планы, принз метальный и деревянный, чрез барометр и гидрометр. Ездили смотреть слонов, львиц, бобров полосатых, медведей белых и других зверей и птиц.

Насмотревшись этих диковинок в новой столице, малороссийские депутаты в марте месяце поехали в Москву присутствовать при коронации. Здесь на третий день по приезде отправились в Немецкую слободу во дворец к Разумовскому, который напоил их венгерским. Потом опять ездили во дворец к Разумовскому и удостоились быть у ручки ее величества и милостивые слова слышать и подпили; вечерять отправились к отцу-духовнику, также своему малороссиянину. В Москве по поводу коронации начались увеселения при дворе: депутаты ездили во дворец и были на опере в оперной зале, где в изъяснение милосердых квалитетов ее величества репрезентовалась история о Тите, императоре римском, и составленной на него конжюрации чрез Сикстуса и Лентулуса с поущения Вителлии, дочери убиенного Вителлия, которым всем оный император простил. Сие представление украшено было декорациею лесов, площадей, облаков при преизрядном пении и при танцах экстраординарных. Но для малороссиян были особенные удовольствия: Разумовский пользовался случаем, чтоб погулять с своими: сосватается его дворовый человек на дворовой девушке - Разумовский позовет своих на малороссийскую свадьбу, и подопьют. Воротятся депутаты вечером домой, а там уже ждут их дворцовые - слепой бандурист и певчие, и начнется куликанье. Поедут к архиерею черниговскому, тверскому, все это свои же, и покуликают довольно. И у себя депутаты могли поить и кормить гостей: к ним из Малороссии приходили обозы, привозили горелку двойную, анисовую, вишневку, тютюн, сало, ветчину, гусей, уток, индюков, пшено, свечи восковые и сальные, розу-варенье, прянички, сыры, пригоняли волов, овец. Не все куликали: ездили в Сенат, подавали просьбы по общим и частным делам, ездили к почтмейстеру, вносили по 18 рублей, чтоб в следующем

году получать газеты французские, амстердамские, подговаривали иноземцев для обучения детей немецкому и латинскому языкам за 35 рублей в год.

Так провели малороссийские депутаты в Москве 1742 год, в конце которого отправились домой. А между тем Разумовский не был празден. Еще 15 декабря 1741 года Елисавета в свое присутствие в Сенате указала иметь рассуждение, какое малороссийскому народу сделать облегчение в податях и в прочем, чтоб он мог поправиться от убытков, претерпенных в бывшую турецкую войну вследствие пребывания у него большого войска. 21 мая 1742 года генерал-прокурор предложил следующие средства облегчить Малороссию: проезжие ничего не должны брать даром, сами не должны ставиться на квартиры, а брать, какие отведет им местное начальство. В 1739 году Генеральная войсковая канцелярия запретила прежде бывший переход крестьян с места на место под предлогом, что от этого много народу уходит за границу: теперь этот переход позволить, но смотреть накрепко, чтоб побегов за границу из Малороссии из слободских полков не было. Почты, учрежденные во время турецкой войны, свести, а содержать только одну - от Глухова по Киевскому тракту. Доимку снять. Сенат согласился. Запрещено было также великороссиянам закреплять за себя малороссиян.

Правителем Малороссии или министром, как тогда выражались, был назначен генерал Ив. Ив. Бибииков. Правительство строго наблюдало, чтоб льготы малороссийские сохранялись нерушимо; но как прежде, так и теперь сами малороссияне просили как милости нарушения этих льгот. Так, один из самых видных людей в Малороссии, человек образованный или по крайней мере большой охотник до образования, покупавший книги русские и иностранные и делавший из них длинные выписки, выписывавший иностранные газеты и учителей иностранных к детям своим, оставивший нам любопытные записки, бунчуковый товарищ Яков Маркович, которого в 1742 году посылали депутатом от Малороссии приветствовать новую императрицу и ходатайствовать о льготах для Малороссии, - этот самый Яков Маркович по возвращении в Малороссию в 1743 году подал просьбу о пожаловании его за службу чином полковничьим на ваканцию. Сенат решил отказать в просьбе, потому что по пунктам, данным гетману Апостолу, велено в полковники выбирать вольными голосами по прежнему их малороссийскому обыкновению.

В Малороссии, стране земледельческой и бедной народонаселением, вопросом первой важности был вопрос об отношениях земледельцев к землевладельцам. Мы знаем, что издавна в Малороссии слышалась жалоба на стремление землевладельцев делать своими подданными или крепостными вольных козаков. Закрепощенные таким образом крестьяне поднимали иски, добиваясь по-прежнему в козаки. В 1746 году войсковая канцелярия представила Сенату, что по указу Петра Великого позволено крестьянам искать козачества, но от этого происходят злоупотребления: во

время войны молчат, а в мирное время, чтоб не платить податей и завладеть панскими землями, начинают отыскивать козачества, затрудняют и малороссийские суды, и Сенат: являются челобитчики лет в 70, и он, и отец его постоянно были в мужиках, а показывают, что дед был козаком, и поставляют свидетелей моложе себя, которые говорят, что от отцов своих слышали, будто челобитчиков дед служил в козаках, а в старых козачьих списках его нет; чтобы уничтожить такое злоупотребление, надобно назначать годовой срок, в который бы все отыскивали козачества, а по прошествии срока челобитчикам отказывать, иначе просьбам конца не будет; притом же мужики принимают такую суровость, что как скоро подали челобитье, то уже владельцев отнюдь слушать не хотят, бьют их и прикащиков. Сенат не согласился, запретил назначать годовой срок. На этом основании в следующем году 79 человек Черниговского полка били челом, что еще Павел Полуботок и сын его завели их себе в подданство; они просили освобождения, но справедливости им не оказано, только взятками разорены: бригадир Ильин взял с них куфу горелки, полковник Тютчев - 12 рублей денег и две куфы горелки, подполковник Семенов - два рубля. Сенат велел исследовать дело; обвиняемые заперлись, но обвинители присягнули в правде своих показаний, и решено, что надобно взять с обвиненных за взятки вдвое и отдать обвинителям.

В 1749 году киевский губернатор Леонтьев представил в Сенат, что великороссийские купцы для всенародной пользы просят позволения сидеть в Киеве в рядах сообща с киевскими мещанами и врознь всякими товарами торговать; подати у себя в великороссийских городах будут они платить бездоимочно и Киевскому магистрату всякие повинности отправлять; по мнению Киевской губернской канцелярии это следовало позволить, ибо киевским мещанам от этого никакого стеснения не будет. Но Сенат, справившись, что в грамоте Петра Великого запрещено приезжим в Киев торговым людям сидеть в лавках вместе с киевскими мещанами и продавать товары в локти, фунты и золотники, послал Леонтьеву выговор, что он об отмене существующих указов не должен был представлять. Еще прежде Киевский магистрат жаловался Сенату, что Главный магистрат привлекает его под свое ведение, тогда как он в ведомстве Главного магистрата никогда не бывал, и слался на привилегии, подтвержденные Петром Великим. Главный магистрат объяснил, что он Киевский магистрат в свое ведение не привлекает, а посылает для известия указы о пожаловании разных людей чинами и об отставках. Сенат приказал из Главного магистрата в Киевский магистрат никаких указов не посылать.

Малороссия много пострадала от засухи и саранчи; поэтому в августе 1748 года императрица приказала Сенату постановить меры для облегчения Малороссии. Призваны были в Сенат находившиеся тогда в Петербурге малороссийские депутаты и спрошены, не признают ли они полезным вследствие недостатка в хлебе запретить малороссийским обывателям курить вино; депутаты отвечали, что надобно позволить курить вино только духовенству и шляхетству, генеральной и прочей тамошней

старшине и выборным козакам, потому что они для винокурения хлеб большею частью покупают, и то против наличного числа козаков половине; а прочим рядовым козакам и подсоседкам, также мещанству и посполитому народу винокурение запретить. Сенат согласился.

Великороссийский офицер не мог позволить себе безнаказанного насилия над малороссиянином: кирасирский поручик Ланской за разграбление дома малороссиянина Степанова, за смертельные ему побои, за держание жены его в двух колодках, за пытки и мучения племянницы и служительниц его и посторонних пяти женщин лишен был всех чинов, наказан плетью в Малороссии и написан в солдаты.

От насилий великорусских офицеров легко было доставить безопасность малороссиянам; но и в Малороссии, точно так же как и в Великой России, трудно было доставить жителям безопасность от разбойников. В записках одного из самых знатных и богатых людей в Малороссии находим следующее известие: "Приехал в Сварков и застал дочь мою старшую, которая объявила, что напали на них в селе Будилове ночью разбойники, взяли ее и пана Стефана, тирански били и начали было пекти (поджаривать) и, побравши все деньги, серебро и проч., ушли за границу". Сильную заботу доставляло правительству Запорожье как рассадник разбойничества. В 1742 году определено было посылать запорожцам ежегодно по 4660 рублей, кроме того, муки по 1000 четвертей да круп на то число по пропорции; пороху и свинцу по 50 пуд; но запорожцы не довольствовались этим жалованьем и рыбными и звериными промыслами: они нападали на козаков и калмыков, посылаемых в пограничные разъезды, отбирали у них лошадей и оружие. Малороссияне, ездившие из Бахмута в Черкасск, жаловались, что запорожцы их грабят; с заставы Каменного Брода приезжали донские козаки с жалобами, что на них нападают запорожцы и ссылают их с заставы, объявляя, что река Миус в их владении. Запорожцы в свою очередь жаловались, что Донское Войско сильно обижает их, из рек Калмиуса и Миуса и прочих рыболовных мест отгоняет их, запорожских и болоховских козаков. Донцы жаловались на большие обиды, грабительства и разорения от запорожцев и просили, чтоб запорожцам запрещен был въезд в не принадлежащие им места: в Калмиус, Калчики, Еланчики и особливо в Миус и Темерник, также в морские косы, довольствовались бы они по-прежнему местами, прилегающими к их стороне между Днепром и впадающею в Азовское море рекою Бердою; а если запорожцы на Миусе будут зимовать и весною вместе с донцами добываться (промышлять), то из Черкаска лошадей в поле выпустить будет некуда и проезд изо всех мест в Черкасск с разными припасами всякого звания людям может быть остановлен. Для размежевания отправлен был подполковник Бильс, которому кошевой объявил, что письменные документы в шведскую войну все пропали; надобно было прибегнуть к сказкам старожилов, но по этим сказкам обе стороны выходили правы. Запорожцы объявили, что они владеют спорными местами недавно, но не самовольно, что у них на то есть грамота, подписанная Ив. Ив.

Неплюевым, бывшим при разграничении между Россией и Турцией; но оказалось, что в этой грамоте просто заключалось извещение Неплюева о заключении мира между Россией и Турцией. Сенат приказал: запорожцам владеть от Днепра рекою Самарою, Вольчими Водами, Бердою, Калчиком, Калмиусом и прочими впадающими в них речками и подлежащими к тем рекам косами и балками по прежнюю границу 1714 года; а от реки Калмиуса - Еланчиком, Кринкою, Миусом, Темерником до самого Дона и впадающими в них речками, балками и косами владеть донским козакам; границею быть реке Калмиусу.

В начале 1747 года киевский губернатор Леонтьев доносил, что в Запорожье посылаются строгие грамоты о пресечении воровства и разбоев, и кошевой с товариществом представлял, что он со всеми куренными атаманами и немалою командою рядовых Козаков ходили врознь партиями по всем степным речкам, лежащим при Азовском море, балкам, байракам и другим местам для искоренения воров, разбойников и других беспаспортных бродяг, сыскали воров Журавля и Калгу с 20 товарищами и повесили. Леонтьев прибавлял, что, несмотря на это, запорожские козаки не отстают от укорененных в них злодейств, ибо как с польской стороны, так и от русских подданных много жалоб на их разбои, смертные убийства и грабительство. Но с одной стороны, надобно было побуждать кошевого, чтоб он преследовал разбойников, а с другой - удерживать, чтоб он не казнил пойманных смертию, а сообразовался с общим распоряжением для всего государства. В 1749 году шесть человек запорожцев в польских владениях разбили жида, в чем и повинились. Леонтьев из Киева отослал их в Запорожье с приказанием наказать их жестоко по войсковому обыкновению в присутствии всех козаков. Кошевой рапортовал, что двое разбойников повешены, а прочие публично без пощады киевным боем жестоко наказаны, "ревнуя высочайшим ее императорского величества указам, дабы такое непрерывное воровство прекратиться могло". Сенат велел послать указ, чтоб впредь не казнили, а присылали ему приговоры. Кошевой представил, что если не казнить, то воровства и других шалостей искоренить будет невозможно. Сенат, разумеется, не принял этого представления. Беспрерывное воровство не прекращалось: гайдамаки жили в зимовниках при Ингуле и в урочище Вербовом числом до 3 и до 4 тысяч. В 1750 году Военная коллегия доносила, что город Изюм стоит на самой границе; за ним шатаются многочисленные разбойничьи партии из Запорожья и нападают на промышленников, приезжающих в Тор и Бахмут за солью, а в Черкасск за рыбою, также разоряют и обывателей изюмских. Донцы жаловались опять, что запорожцы нападают на их владения. Сенат велел послать в Запорожье обычную грамоту, чтоб там прилагали старание об искоренении воровских людей. Это было последнее распоряжение Сената: 25 октября 1750 года Запорожье поступило в ведение малороссийского гетмана.

Мы видели, что в 1744 году Елисавета предпринимала путешествие в Киев. Малороссийская старшина определила выставить 4000 лошадей для

проезда ее величества; но Алексей Гр. Разумовский писал Бибикову, что надобно выставить еще столько же лошадей да под свиту 15000 и все это надобно собрать с обывателей. Собирали подводы, но в то же время собирали и подписи под челобитною государыне об избрании гетмана; впрочем, не вся генеральная старшина подписалась, а на этом основании не подписывались и другие, менее чиновные люди. 6 августа Елисавета въехала торжественно в Глухов. Около кареты ехали старшина и бунчуковые с обнаженными саблями. Подъехавши к городским воротам, Елисавета вышла из кареты и приняла поздравление черниговского епископа Амвросия Дубневича; потом она пешком отправилась в девичий монастырь, где слушала обедню и проповедь черниговского архиерея. Из церкви с той же церемонией поехала в министерский дом, где принимала знатных малороссиян и слушала поздравительную речь Михайлы Скоропадского. Потом села обедать, а после обеда забавлялась танцами малороссиянок, польскими и козацкими. На другой день чрез Разумовского подано было прошение о гетмане; кроме того, все полковники, стоявшие с полчанами своими на станциях до самого Киева, подали такое же челобитье.

5 мая 1747 года Сенат получил указ: быть в Малороссии гетману по прежним тамошним правам и обыкновениям и оного во всем на таком основании учредить, как гетман Скоропадский учрежден был. Только в начале 1750 года приехал в Глухов граф Генрихов, по требованию которого старшина съехалась в генеральную канцелярию и подписывалась на прошении, чтоб гетманом быть брату фаворита графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, известному уже как президент Академии наук. Это было 18 февраля; а ровно через месяц, 18 марта, в Глухове в квартире министерской было собрание всех полковников, бунчуковых товарищей, старшины полковой и сотников; туда же приехали архиереи и все духовенство, и объявлено было избрание гетмана Разумовского, а рядовых козаков не было. 22 числа совершилось публичное избрание. Собрались полки с музыкою и стали около театра: торжественное шествие двигалось от квартиры графа Генрихова: несли знамя, булаву, бунчук, печать, шли старшины, а впереди всех ехал в карете секретарь с высочайшею грамотою, по прочтении которой граф Генрихов спрашивал всех, кого избирают, и в ответ получил: "Графа Кирилла Григорьевича Разумовского". После этого все отправились в церковь, где слушали проповедь и молебствие.

Так был избран гетман, назначенный в Петербурге. Велено было уничтожить в Малороссии казенные конские заводы и фабрики; отозваны были великороссийские члены малороссийского управления; Малороссия перешла опять в ведение Иностранной коллегии вместо Сената; но гетман, воспитанный в Петербурге и за границую, нисколько не напоминал старых гетманов. Он и жена его, урожденная Нарышкина, скучали в Малороссии и рвались в Петербург, ко двору; в одном письме, умоляя императрицу позволить приехать ему в Петербург, Разумовский писал, что сырой климат

Глухова ему страшно вреден, что он может получить облегчение в своей болезни только в благословенном климате петербургском. Притом Разумовский нуждался постоянно в менторе и привез с собою в Малороссию Григория Теплова, а Теплов стоил четверых великороссийских членов прежней Малороссийской коллегии.

Восстановление гетманства в Малороссии не обошлось без доноса. Киевский генерал-губернатор Леонтьев прислал в Сенат письмо, писанное будто бы миргородским полковником Василием Капнистом к Рудницкому, старосте чигиринскому, от 29 февраля 1750 года: "Желание мое быть гетманом не сбылось, ибо выбрали гетманом Кирилла Григор. Разумовского не по его должности. Ныне по нашей присяге с шляхтою и ордою старайся отдать орде в ясырь заднепрские места от Архангельска до устья Тясмина, и для того от меня командирами в заднепрские места отправлены Байрак и Попатенко, которые ни в чем орде и шляхте противиться не станут и еще помогать будут, а из российской команды я постараюсь, чтоб ни один оттуда не вышел, а сам буду искать случая, с гетманом гуляючи, смертною отравою его напоить и по нем гетманом быть". В Киеве учреждена была по этому делу особая комиссия, которая признала Капниста совершенно невинным, и за то, что понапрасну держали под арестом, его произвели в бригадиры и подарили 1000 червонных.

Малороссийское народонаселение в XVIII веке вытягивалось далеко на восток, к границам государства с степною Азиею, где Россия мстила кочевникам за их прежние опустошения, приглашая к выгодной торговле. Мы видели, как давно заботились здесь о приискании и укреплении места, которое должно было именно быть средоточием среднеазиатской торговли, мы видели здесь деятельность Кириллова, которого заменил Татищев; при Елисавете мы видим здесь другого птенца Петра Великого, Ив. Ив. Неплюева, хорошо известного нам по дипломатической деятельности в Константинополе. Расположение Остермана готовило Неплюеву более широкое поприще: мы видели, что в правление Анны Леопольдовны он был назначен правителем Малороссии; переворот 25 ноября, падение Остермана повели и к падению Неплюева как креатуры Остермана; но были люди, и прежде других сама императрица, которые считали Неплюева креатурою Петра Великого и не считали полезным отнять деятельность у человека, отмеченного преобразователем. Но оставим самого Неплюева рассказывать нам о своих приключениях.

"В исходе того года (1741) прислан в Глухов Александр Бор. Бутурлин, коему повелено меня, сменя от всех должностей, отправить в Петербург, а притом публиковать, так как и во всем государстве опубликовано было, что все указы, какого бы звания ни были, данные в бывшее правление, уничтожаются и все чины и достоинства отъемлются, и посему я увидел себя вдруг лишенным знатного поста, ордена и деревень. Приехав в Москву, узнал, что меня обвиняют дружбою с графом Остерманом; и хотя я ничего противного отечеству и самодержавной власти не только не делал,

не слышал, но ей-ей и никогда не думал; со всем тем сия ведомость меня потревожила несказанно. В графе ж Андрее Ивановиче имел я всегда моего благодетеля, и за что он так осужден был, того также по совести, как пред Богом явиться, не ведал. Возложился на Бога и на мою неповинность и с теми мыслями в Петербург прибыл и явился у князя Алексея Михайловича (Черкасского) и у князя Никиты Юрьевича (Трубецкого), кои мне всегда были благодетели. Князь Никита Юрьевич сказал, чтоб я ехал к принцу Гессен-Гомбургскому и ему бы доложил о моем приезде, что я и сделал. От принца прислан был ко мне приказ, чтоб я никуда не съезжал с двора, и потом сведал, что в особо учрежденной комиссии в 16 пунктах допрашивали графа Остермана: не ведал ли о сем Неплюев? И он давал ответы, как то и подлинно было, что я ни о чем не был известен; и хотя он ныне несчастен, но я не могу отпереться, что он был мой благодетель и человек таковых дарований по управлению делами, каковых мало было в Европе. В начале 1742 прислан мне от принца приказ, чтоб я у двора явился, что я и исполнил, и при сем случае поставлен я был на колена пред церковью в то время, когда императрица Елисавета Петровна проходила в оную; она изволила, остановясь, возложить на меня паки орден св. Александра Невского и пожаловать меня допустить к руке; я, увидев дочь государя, мною обожаемого, в славе ей принадлежащей, и в лице ее черты моего отца и государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл все минувшее и желал ей от истинной души всех благ и последования ей путем в бозе опочивающего родителя. Потом сделал я визиты всем знатным. Старый мой благодетель Григорий Петрович (Чернышев) принял меня как родного и все силы употреблял к защищению моей невинности. Чрез несколько дней сделана мне от Сената повестка, чтоб я в оный явился, где мне объявлен именной указ, чтоб ехать в Оренбургскую экспедицию командиром".

Это назначение было для Неплюева почетною ссылкой; но благодаря своим способностям и энергии он на этом месте служения своего приобрел наибольшее право оставить свое имя на страницах русской истории, на страницах истории цивилизации. Область, вверенная управлению Неплюева, начиналась за Волгою, где Самара была обыкновенным местопребыванием командиров Оренбургской экспедиции. Оренбург, о котором было столько хлопот, который считался оплотом России от Средней Азии, представлял крепость, окруженную забором из плетня, осыпанным земляным дерном; гарнизон был ничтожный. В эту твердыню командиры ездили раз в год с многочисленным конвоем, потому что по всей линии регулярных команд никогда не было, кроме беглых крестьян, называвшихся козаками. Зимой сообщение между Самарою и яицкою линиею вовсе пресекалось.

Неплюев в том же 1742 году объехал линию, назначил, где быть селениям и как укрепить их по правилам фортификационным и достаточным для обороны от степного народа, снабдив все эти места гарнизоном из регулярных войск, артиллериею и пороховыми магазинами. Оренбург он

переименовал в Орскую крепость, назначил укрепить ее валом с бастионами, но счел ее неудобною быть торговым средоточием и выбрал для этого место на 250 верст ниже по течению Яика, основал тут новую крепость и назвал ее опять Оренбургом. Этот Оренбург укреплен был рвом и валом с каменною одеждою в окружности без малого пять верст. Неплюев приманивал туда купцов из Самары и других мест разными выгодами и, желая подать пример поселенцам в перенесении трудов на новом, только что обстраиваемом месте, жил в землянке, как и все другие, и вошел в новоотстроенный свой командирский дом не прежде, как и все другие жители вошли в свои дома, а гарнизон - в казармы, после чего он уже не возвращался более в Самару, или в Русь, как тогда говорили в Оренбурге.

Купцы были приманены в новую крепость торговыми выгодами, и потому надобно было хлопотать о том, чтоб они не обманулись в своих надеждах. Неплюев стал приманивать других купцов из России, писал во все магистраты; с другой стороны, посылал приглашать киргизцев, хивинцев, ташкенцев, кошкарцев, трухменцев и бухарцев; в эту посылку он употреблял татар Сеитовой слободы, давши им хорошие деньги и обещавши еще более, если успеют приманить азиатцев. Татары исполнили как нельзя лучше поручение, и в 1745 году в Оренбурге происходила уже значительная торговля. Мы уже приводили известия Неплюева об успехах этой торговли. В 1749 году Неплюев писал в Сенат, что в прошлом году русские купцы получили в Оренбурге серебра персидскою монетою от азиатских купцов 71 пуд 13 фунтов; а с последней половины апреля текущего года прибыло несколько бухарских и хивинских караванов, в которых тамошних обыкновенных товаров очень немного, но персидского серебра 418 пуд 22 фунта; а так как привозных туда из России товаров только на 140000 рублей, из чего надобных азиатским купцам едва достанет ли, то по просьбе русских купцов принужден он дать им на почтовые подводы подорожные, с которыми они на своем коште отправляют нарочных в Москву и другие города, чтоб как можно скорее еще доставить нужных товаров в Оренбург; сверх того, писано в Казань, чтоб тамошние купцы спешили туда же с своими товарами, ибо если однажды русских товаров азиатским купцам не достанет, то этим они могут быть отохочены от приезда в Оренбург в большом числе. Сенат послал сказать Неплюеву, что его распоряжениями доволен. Скоро Неплюев сделал другое распоряжение: из привезенного азиатцами серебра большую половину взяли астраханские купцы за свои товары и повезли в Астрахань, а так как там находился порт, то Неплюев писал астраханскому губернатору о предосторожности, чтоб это серебро опять не ушло в Персию. Сенат послал указ в Астрахань: иметь крепкое смотрение, чтоб за границу никакого серебра не вывозилось.

Неплюев не был доволен малороссийским народонаселением уральских степей. При императрице Анне вызвано было туда из Малороссии 209 семей, которые жили сперва на казенном содержании, потом это

содержание велено прекратить, но зато их не употребляли ни в какие наряды, никому не давали они подвод, имели право ходить для промыслов в русские города. В 1744 году Неплюев представил Сенату о неспособности черкас: несмотря на данные им льготы, они нисколько не поправились и он принужден был раздать им несколько сот четвертей казенной ржи, чтоб некоторые из них, особенно малолетные, престарелые и сироты, с голоду не померли. Некоторые из них просились поселиться внутри линии на реке Кинели и в других местах ближе к русским жилищам, а другие желали возвратиться в Малороссию. Неплюев, рассуждая, что от жительства их при самой границе никакой пользы не предвидится, даже опасно, чтоб их, неосторожных и слабых людей, киргизы внезапными набегами не растаскали, как то в прошлом году и случилось с ними не в одном месте, позволил поселившимся на Яике при урочище Рассыпном, где особенно часты бывали воровские перелазы, переселиться на реку Кинель, о желании же других возвратиться в Малороссию донес Сенату, требуя его разрешения; Сенат разрешил отпустить их на родину, на прежние места жительства. В том же 1744 году была учреждена Оренбургская губерния, губернатором которой назначен был Неплюев. К новой губернии отошли все вновь построенные по границе и строящиеся крепости с регулярными и нерегулярными войсками и прочими поселенцами, также две провинции - Исетская и Уфимская - со всеми башкирскими делами; наконец, оренбургский губернатор должен был вестать киргизский народ и тамошние пограничные дела.

Относительно Сибири и самых отдаленных ее местностей царствование Елисаветы началось религиозным распоряжением: в начале 1742 года в камчадалскую землю определен Синодом для проповеди слова Божия тобольского Спасского монастыря архимандрит Иосиф Зинкеевич. В конце года видим распоряжение об отправлении туда же архимандрита Хотунцевского с двумя студентами высших школ, которые должны были обучать новокрещеных детей русской грамоте, букварю с истолкованием Божественных заповедей и Катехизису. В Пекин на место умершего архимандрита Илариона Трусова отправлен был для проповеди слова Божия архимандрит Гервасий Линцевский с иеромонахом и иеродиаконном.

Вместе с заботами о хлебе духовном шли заботы о хлебе материальном. С первого поселения русских в Сибири до половины XVIII века правительство должно было кормить своих служилых людей в Сибири хлебом, привозимым из Европейской России. В 1746 году Сенат послал указ о посеве в верхиртышских крепостях хлеба - ржи, овса, ячменя. Сибирский губернатор Киндерман донес, что в 1747 году яровой и рожь родились с прибылью, именно прибыли 4795 четвертей. Весною 1748 года посеян хлеб в тобольских, ишимских, колыванских, кузнецких и тарских линиях. Киндерман предлагал для успеха хлебопашества завести скотоводство, закупить быков и обещал, что через два года крепости будут пробавляться своим хлебом и прекратится убыточная для казны привозка

хлеба в них. Сенат одобрил распоряжения Киндермана и определил выдать ему 1000 рублей в награду.

Но не должно думать, чтоб в описываемое время на всем протяжении Сибири все спокойно подчинялось русскому правительству, его распоряжениям, церковным и гражданским. Из Анадырского острога майор Павлуцкий доносил, что 1746 года в марте месяце из Анадырска ходил он с командою на Колымское море для сыску неприятелей-чукчей, которых и нашли в пяти юртах 16 человек, и всех их побили, а другие тут же сами, не хотя идти в покорность, прирезались, жен и детей своих всех прикололи и повесили; русские взяли в добычу оленей сот с шесть, которые употреблены на пропитание служилым людям; потом опять нашли чукчей и отбили у них 50 оленей, а самих побить не могли, потому что они, приколов детей своих, бежали, а в погоню за ними по малолюдству команды и по неимению съестных припасов послать было нельзя. Летом того же года Павлуцкий донес, что ясачные акланские и каменные коряки изменили, убили ехавших из Охоцка священника и при нем 5 человек, также убили семь козаков Акланского острога да посланных Павлуцким за разными делами двоих сержантов, одного пятидесятника, 10 козаков, приезжали к Акланскому острогу, стояли под ним двое суток и убили козака. В марте 1747 года Павлуцкий, узнав о приближении чукчей, которые разбивают ясачных коряков, взял с собою лучших легких солдат и козаков 97 человек да коряков 35, отправился на оленях и собаках вперед и за собою велел следовать сотнику Котковскому с остальным войском, состоявшим из 202 человек. 14 марта Котковский получил известие, что Павлуцкий 13 числа ночью напал на чукчей при устье речки Орловой на горе; чукчи разбили его и убили, убили также 50 человек, ранили 28, взяли ружья, пушку, знамя, барабан; чукчи одолели числом, потому что их было с 500 или 600 человек, и удобством положения: чукчи были на горе, а Павлуцкий под горою. Посланный на место Павлуцкого поручик Кекеров в начале 1749 года начал действовать против изменивших коряков; изменники, прирезав жен и детей своих, человек до 30, ушли ночью; Кекеров сам не мог преследовать их, потому что был ранен из ружья; погнавшаяся часть войска настигла их, но они сели в осаду в пещере, к которой приступить было нельзя, потому что в нее ходят на ремнях. В конце 1749 года канцелярия Охоцкого порта доносила, что в недалеком расстоянии от Ямского острога видают неприятелей в большом числе. Отправленный из Ямского острога сержант Белобородов с командою для строения крепости доносил, что в июле 1749 года напали на них неприятели, человек 400, бились часа с четыре; неприятель был прогнан, но русские нашли у себя 14 человек раненых.

Эти события, происходившие в неведомых странах, на берегах Восточного океана, были известны очень немногим в Москве и Петербурге, где все внимание было обращено на Запад, где заботливо сторожили движения опасного прусского короля и особенно боялись его влияния в соседней Швеции. Система Бестужева, в основании которой лежала мысль, что

самый опасный враг России есть Фридрих II, торжествовала; но знаменитый канцлер не мог спокойно наслаждаться ее торжеством, ибо число и значительность врагов его не уменьшались.

Осенью 1749 года Елисавета отправилась из Москвы в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), где хотела праздновать свои именины (5 сентября); здесь она пожаловала в камер-юнкеры родственника графов Шуваловых молодого Ивана Ивановича Шувалова. Это назначение было событием при дворе; все перешептывались, что это новый фаворит; небольшой кружок охотников до образования радовался возвышению молодого человека, которого видели всегда с книгою в руках; но не мог радоваться этому канцлер, предвидя, как фавор Ивана Шувалова усилит значение враждебных графов Шуваловых, Петра и Александра. Значение Алексея Гр. Разумовского, по-видимому, не понизилось, но молодой брат его граф Кирилл, ходивший на помочах своего дядьки Теплова, не разделял нисколько приязни старшего брата к канцлеру.

От пребывания двора в Москве в 1749 году до нас дошла любопытная записка канцлера, составленная в октябре "для всевысочайшего известия": "Хотя тогда никто слова не говорил, как Лесток на обеде у шведского посланника Вульфеншетерна (в присутствии послов, всех чужестранных министров и здешних знатнейших) канцлера с великим грубиянством принуждал за здравие ее императорского величества пред всеми людьми пить; но как на прошедшей неделе в четверток, т. е. 12 сего октября, канцлер на новоселье у князя Мих. Андр. Белосельского, где было за столом с хозяином и хозяйкою 20 персон, ассессора Теплова принудить хотел, чтоб он за здоровье графа Алексея Гр. Разумовского покал, который всеми полон пить, полный же выпил, то теперь по всему городу уже рассказывают, будто канцлер Теплова разругал, с великим для него (канцлера) прискорбием, что его неприятели (коих без причины столько же много, как волос на голове) тем пользуются пожалованный ему от ее императорского величества из первых в государстве чин с таким молодым человеком смешивать. Канцлер, однако ж, за излишне поставлял бы ее императорского величества оправданием своим пред Тепловым утруждать; но дабы как где ложно обнесенным не быть, то всенижайше дерзновенно приемлет представить, что канцлер, увидя, что Теплов в помянутый покал только ложки с полторы налил, принуждал его оный полон выпить, говоря, что он должен полон выпить за здоровье такого человека, который ее императорскому величеству верен, так и в ее высочайшей милости находится и от которого ему подлинно много благодеяний сделано, и что к чему же в такие компании и ездить, буде с другими наравне не пить. Но как Теплов грубиянство имел и того не послушаться, то, может быть, канцлер ему и сказал, что разве он хочет примеру церемониймейстера Веселовского последовать, а впрочем, никакого бранного ниже оскорбительного слова не сказал, и в том на всех беспристрастных из оной компании ссылается. Что до грубиянства Теплова принадлежит, то он в том уже обык, ибо в многие дома незванный приезжал,

гораздо у прочих и старших себя за столом место снимал, да и дам тем не щадит, как то особливо Авдотья Герасимовна Журавка над собою искусство (опыт) тому видела, когда он отнял у ней место в карете, в которой она уже ехала, так что она на улице осталась, о чем она сама лучше донести может. А пример Веселовского в том состоит, что на прощальном обеде у посла лорда Гиндфорта, как посол, наливши полный покал, пил здоровье, чтоб благополучное ее импер. величеству государственование более лет продолжалось, нежели в том покале капель, то и все оный пили, а один только Веселовский полон пить не хотел, но ложки с полторы, и то с водою, токмо налил и в том упрямо перед всеми стоял, хотя канцлер из ревности к ее величеству и из стыда перед послами ему порусски и говорил, что он должен сие здравие полным покалом пить как верный раб, так и потому, что ему от ее императорского величества много милости показано пожалованием его из малого чина в столь знатный. Но канцлер тогда не хотел ее императ. величество сим утруждать, как то и ныне происшедшее с Тепловым в молчании оставил бы, ежели б о том по городу иначе не толковали, хотя он и то и другое из усердия своего сделал: первое из респекта и должности к ее императ. величеству, а другое по любви к графу Алексею Григорьевичу, а еще паче, что и то респекту противно, чтоб не хотеть пить за здоровье такого человека, который милость ее императ. величества на себе носит".

Несмотря на то что у Бестужева столько же было врагов, сколько волос на голове, он был еще силен в это время, так что самый могущественный враг его граф Петр Шувалов считал иногда нужным сблизиться с ним. Так, осенью 1749 года Воронцов объявил прусскому министру Гольцу, что сверх его ожидания Петр Шувалов помирился с Бестужевым. Воронцов был сильно этим огорчен и сказал, что примет место посланника при каком-нибудь дворе, ибо не может бороться с беспорядком, который царствует в России, и утомлен преследованиями своего врага. Когда Гольц заметил, что надеется на милости к нему императрицы, то Воронцов отвечал, что после падения Лестока он не может более полагаться на самые священные обещания императрицы. Слабый луч надежды блеснул было с другой стороны: Воронцов сообщил Гольцу, что имел разговор с Кириллою Разумовским; тот открыл ему, что он и старший брат его начинают ревновать ко власти канцлера, который им очень наскучил, и хотя нужно время для поколебания к нему доверия императрицы, однако они надеются успеть в этом в продолжение года. Надежда отдалить Разумовского от Бестужева основывалась еще на том, что жена молодого Бестужева умерла и таким образом порывалась родственная связь между обеими фамилиями. Но когда Гольц предложил Воронцову деньги для привлечения Алексея Разумовского на свою сторону, то Воронцов отвечал, что теперь еще не время, что Бестужев еще очень силен.

Бестужев по-прежнему был в силе; Воронцов по-прежнему видел себя в опале и, догадываясь, что перлюстрация, или вскрывание депеш иностранных министров, должна быть главною причиною опалы, подал в

конце 1749 года, в день рождения императрицы, новое умиловительное письмо: "Уже пятый год, всемилостивейшая государыня, настает, как я по несчастливом моем, однако ж безвинном вояже из иностранных государств неописанную и единому Богу сведущему болезнь, сокрушение и горестное мучение жизни моей препровождаю, лишаясь дражайшей и бесценной милости и поверенности вашего императ. величества. Через многие мои письменные и словесные прошения утруждал я ваше императ. величество о милостивом изъяснении; токмо кроме обычно сродного милосердного ответа от вашего императ. величества не получал, что я напрасно только о том думаю. Я сердцеведца Бога во свидетели представляю и себя на его страшный и праведный суд предаю, что как до сего несчастного моего чина вице-канцлера вашему императ. величеству верный и истинный раб был, столь более ныне в сем чину желаю себя достойным учинить вящей высочайшей милости вашего императ. величества. Я никакого пристрастия и ненависти ни к какому иностранному государю не имел, не имею и впредь иметь не буду; они все у меня дотоле в почтении содержатся, доколе к вашему императ. величеству в искренней дружбе и любви пребудут. Сие всеподданнейшее прошение побуждает меня чинить рабская моя к вашему императ. величеству верность и должность пожалованного мне чина, ибо чрез несколько уже лет, к немалому моему пороку, по делам вашего императ. величества к докладам не удостоен. Известная перлюстрация писем, которая множеством как река течет, от коллегии скрыта; а понеже довольно ведомо и искусство (опыт) научило, сколь много в сих письмах разные сумнительные и ложные внушения писаны бывали, то весьма справедливо и нужно для осторожности знать, дабы заблаговременно вашему императ. величеству должное изъяснение подать. И для того слезно прошу приказать все оные письма в коллегию сообщать, дабы о прошедшем основательно ведать".

Просьба, как видно, не была исполнена. Понятно, что Воронцову очень важно было знать о прошедшем; что же касалось настоящего, то перлюстрации теряли свое значение. Наиболее возбуждавшими опасение были депеши французского и прусского министров; но с Франциею дипломатические сношения прекратились, с Пруссиею готовы были прекратиться.

В марте 1749 года австрийскому послу графу Бернесу сообщена была промемория: "Никак понять не можно, для чего б король прусский в такое время, когда вся Европа вожделенным покоем паки пользуется и ничего неприятельского опасаться не имеет, такие великие военные приготовления, сильные рекрутские наборы, знатное умножение своей армии предпринимает. Ласкательное мнение, которое он иногда имел бы, чтоб шведскую Померанию себе присвоить, а напротиву того, Швеции к завладению Эстляндского и Лифляндского герцогств вспоможение показать, одно достаточно его к некоторым незапным предприятиям приуготовить. Кончина нынешнего короля шведского и тайно замышляемая, а может быть, уже постановленная премена тамошней

формы правительства королю прусскому уповательно, по его исчислению, наилучший повод подать могут дальновидными его опасными намерениями. Коль весьма римская императрица-королева притом интересована находится, оное очевидно есть, ибо легко понять можно, что ежели бы Швеции с помощью Пруссии введение самодержавства удалось, то бы она тогда с Франциею и Пруссиею в главных делах весьма великую инфлуенцию получила вместо того, что Швеция при нынешней форме правительства всегда связанными руки имеет и за весьма слабое и негодное орудие ее союзников признаваема быть может". Тогда же Кейзерлинг доносил из Берлина, что министр Подевильс по королевскому приказанию сделал ему такое заявление: носится слух, что в Швеции некоторые думают изменить нынешнюю форму правления и опять ввести самодержавие; его величество очень хорошо знает свои интересы и ясно предусматривает, какое влияние будет иметь шведский переворот на эти интересы, и потому такого предприятия он не дозволит, тем менее станет ему способствовать; он же велел дать знать шведскому кронпринцу, чтоб тот отвергнул подобные проекты, если б они ему были предложены, и никоим бы образом не вмешивался в это дело, которое не может иметь никакого успеха. Сделавши такое заявление относительно Швеции, Подевильс начал объяснять прусские вооружения: король, говорил он, ничего так не желает, как сохранения всеобщего спокойствия; но так как все его соседи ревностно вооружаются и делают такие распоряжения, к которым приступают обыкновенно накануне войны, то благоразумие требовало позаботиться и о своей безопасности. Вот единственная причина, заставляющая короля готовить свои войска на всякий случай, в прочем же он будет следовать своим неизменным чувствам, заставляющим его соблюдать драгоценнейшую дружбу ее импер. величества. На отпускной аудиенции Кейзерлингу сам король повторил все эти заявления.

Гросс, назначенный, как мы видели, на место Кейзерлинга, начал свои донесения тем, что вооружения прусского короля внушены страхом пред вооружениями России и Австрии, что он сам никак не решится начать войну и что военные приготовления, сделанные Россиею, представляют лучшее средство удержать прусского короля и шведское министерство от всяких нововведений. В конце марта Подевильс уверял австрийского посланника графа Хотека и секретаря датского посольства, что его король теперь в северные дела ни прямо, ни косвенно вмешиваться не хочет, разве только для их мирного улаживания; для отнятия всякого подозрения король даже откладывает свою поездку в Пруссию. В апреле Гросс уже доносил, что военные приготовления в Пруссии день ото дня ослабевают, ибо в Швеции не предполагается никаких перемен, которые не могли бы произойти без помощи Франции, а Франция нуждается в покое.

1750 год начался неудовольствиями. Манифест императрицы, чтоб все офицеры из остзейских провинций, находившиеся в чужестранной службе, оставили ее и возвратились в Россию, был очень дурно принят в Берлине. В начале января Гросс дал знать, что эстляндец Деколонг, приезжавший к

нему тайно из Потсдама, тотчас по возвращении по королевскому указу был взят под караул. "Это может служить доказательством, - писал Гросс, - что король не только хочет задержать силою русских подданных в своей службе, но и по усиливающейся день ото дня подозрительности своей он пресек чужестранным министрам почти все сношения с своими подданными и с находящимися в его службе людьми". Через несколько времени после этого Гросс собрался съездить в Потсдам посмотреть новопостроенный королевский замок Сансуси; но получил от Подевильса *дикое*, как выражается Гросс, письмо, в котором давалось знать, что король не желает этого посещения, после того как открыта его, Гроссова, переписка с офицерами прусской армии и даже с теми, которые находятся в потсдамском гарнизоне. Переписка эта состояла в циркуляре к лифляндским и эстляндским офицерам, чтоб они в исполнение воли императрицы взяли отставки из прусской службы.

13 мая Подевильс вручил Гроссу следующую декларацию: "Сохранение спокойствия и тишины на Севере так важно для короля, что он не может далее откладывать дружеского объяснения с русским двором насчет туч, скопившихся с некоторого времени и грозящих этому спокойствию. Король с горестью видел, что императрица была встревожена предполагаемою переменою в шведской форме правления, и это повело между русским и шведским дворами к объяснениям о предмете, чрезвычайно деликатном для каждого независимого государства. Потом король с истинным удовольствием увидал, что в Швеции приняты были все меры для удаления малейшего подозрения со стороны русского двора. Но король, к сожалению, был обманут в своих надеждах новым мемуаром графа Панина, поданным в прошлом январе, где опять поднят тот же вопрос, на который Швеция должна отвечать согласно с правилами своей независимости и своим достоинством. При таком положении дел король не может удержаться от настоятельной и дружественной просьбы, чтоб императрица всероссийская отложила всякое дальнейшее объяснение и прекратила дело, последствия которого могут погрузить Север в страшные смуты. Король обязан это сделать как по желанию спокойствия на Севере, так и по союзному договору с Швециею, которую он должен защищать в случае нападения на нее".

Легко понять, как не понравилось это объявление при русском дворе, а 7 августа Гросс донес о "презрении своего характера": по приглашению он вместе с другими иностранными министрами поехал в Шарлотенбург на представление в придворном театре. По окончании представления в той же галерее, где оно происходило, приготовлен был большой стол, и Гросс видел, как король, подозвавши к себе адъютанта, приказывал ему, кого пригласить к ужину; адъютант пригласил министров французского, датского и шведского, но обошел австрийского и русского, и последние отправились через сад к своим экипажам, чтоб возвратиться в Берлин. На дороге нагоняет их тот же адъютант и приглашает австрийского министра к ужину; таким образом, исключен был один Гросс. Вслед за тем все другие

иностранные министры были приглашены во дворец на бал и ужин, к одному Гроссу прислано было приглашение только на бал. Гросс после того перестал ездить ко двору, где оказали полное равнодушие к его отсутствию. 6 ноября он дал знать, что приглашенный Петербургскою Академиею наук профессор астрономии Гришау внезапно арестован в своем доме и содержится под караулом, который никого к нему не допускает. Распускалось такое обвинение, что он, отправив часть своего имущества в Россию, переслал и карты прусских провинций; но, по мнению Гросса, его задержали только за то, что он хотел уехать в Россию.

В октябре Бестужев поднес императрице доклад с прописанием оскорблений, нанесенных Гроссу; доклад оканчивался так: "Коллегия иностранных дел в рассуждении таких короля прусского аккредитованному от вашего импер. величества министру учиненных презрительных поступков и показанной чрез то весьма чувствительной *образы* (оскорбления) пред другими чужестранными министрами, всеподданнейше представляет, не соизволите ли, ваше импер. величество, для предупреждения всего того и чтоб долее ему, Гроссу, таких предосудительных уничтожений показывано не было, повелеть его отсюда сюда отозвать". Рескриптом от 25 октября Гросс был отозван, причем ему приказывалось не объявлять прусскому министерству ни о причине его отъезда, ни о возвращении своем назад в Берлин, ни о том, что кто-либо другой будет прислан на его место. Последним поручением, возложенным на Гросса от его двора, было уговорить знаменитого математика Эйлера к возвращению в Россию. 29 октября президент Академии наук граф Разумовский получил от канцлера письмо: "Ее импер. величество всемилостивейше изволила указать вашему сиятельству объявить, чтоб изволили к бывшему в здешней Академии профессором Эйлеру отписать, не похочет ли он паки сюда возвратиться и в здешнюю службу вступить, обнадеживая его особенным ее импер. величества благоволением, и что ему всякие всевозможные снисхождения и выгоды дозволены будут". В этом смысле Разумовский написал Эйлеру: "Вы совершенно уверены быть можете, что сие всевысочайшее соизволение ее импер. величества не токмо вам, но и вашей фамилии (ежели бы Богу угодно было жизнь вашу пресечь) быть может с немалым авантажем, потому что вы имеете теперь случай включить все то в кондиции, чего покой ваш требует, на прежние же кондиции, о которых я вам неоднократно писал при вступлении моем в правление Академии, прошу не взирать, а сочинить такие, которые к вашему и вашей фамилии совершенному удовольствию служить бы могли". Другое письмо Разумовский писал к Гроссу: "Из приложенного при сем к г. Эйлеру письма под открытою печатью усмотреть изволите, сколь необходимо надобно, чтоб помянутый господин профессор паки возвратился в службу ее импер. величества. Хотя все наисильнейшие обнадеживания в письме моем я ему изъяснил к принятию сего предложения; однако ж ежели вы за благо что усмотрите словесно дополнить, то прошу надежно ему то учинить и ничего не оставить в персвазиях ваших, что бы могло споспешествовать в сем деле. Он человек

по причине многочисленной фамилии своей немалый эконо́м, и для того в сем случае наиболее интерес будет действовать. Однако ж что касается до спокойного жития его в России, яко то: свободностей полицейских дому его, буде пожелает иметь собственный, то все по предписанным от него кондициям дозволено и наблюдаемо будет, одним словом, он добрую теперь имеет оказию учредить себя, фамилию и дом свой наилучшим образом и, чего сам к спокойному житию предостеречь себе не может, а персонально мне по приезде объявит, в том я ему буду прилежный помощник. Должность же его не иная будет при Академии, как только быть профессором высшей математики, лекций публичных не читать и никого без произволения своего не обучать, кроме двух или трех ему приданных адъюнктов российских, и то в часы, свободные от трудов, и произвольно".

Гроссу не удалось уговорить Эйлера к возвращению в Россию. Прекращение дипломатических сношений между дворами петербургским и берлинским было главным образом следствием шведских дел, ибо Фридриха II преимущественно раздражали решительные действия русского посланника в Стокгольме, а Бестужев спешил пользоваться раздражением Фридриха II, чтоб избавиться от присутствия в Петербурге прусского посланника, опасного ему по сношениям с его врагами. Те же шведские дела вели к столкновению и обмену неприятных нот с *любимым* теперь в Петербурге кабинетом венским: Россия требовала от него также решительных заявлений насчет шведских дел, а в Вене уклонялись. Мы видели, что русским послом сюда был назначен граф Михайла Петр. Бестужев; Ланчинский оставался несколько времени при нем с прежним значением, но скоро умер.

Кроме шведских дел, к которым оба двора относились не с одинаким интересом. Мих. Петр. Бестужев-Рюмин имел от своего двора еще одно деликатное поручение. В конце 1749 года он получил такой рескрипт императрицы: "Явился здесь в Москве из Трансильвании протопоп Николай Баломири и в нашем Синоде подал прошение, что он прислан сюда от клира и народа трансильвано-волошского просить милостивой защиты православным христианам в нестерпимых бедах и гонениях, претерпеваемых ими за непринятие унии с римскою церковью. Из поданных им бумаг, к вам пересылаемых, вы увидите, что издавна и до самого царствования императора Леопольда они пользовались совершенною свободою относительно веры и отправления богослужения, имели собственных греческой веры епископов и священников без всякого ограничения и принуждения к унии; но вдруг явились от папы римского духовные особы под именем богословов, которые сделали распоряжения к приведению народа в унию, также и от нынешней императрицы об этом некоторые указы последовали. Вы, рассматривая все это, прежде всего обстоятельно наведаетесь, подлинно ли протопоп Баломири послан сюда от всего народа с просьбою о защите и точно ли трансильвано-волошский народ находится в таких обстоятельствах, как он объявляет, и если окажется, что подлинно, то вы можете надлежащий мемориал сочинить и

подать министерству императрицы-королевы: в этом мемориале вы будете домогаться, чтоб они по-прежнему были оставлены в греческой вере без всякого притеснения. Вы обратитесь к справедливости и великодушию императрицы, укажите, что в ее областях, во всех государствах и в нашей империи находятся разных наций и религий люди и церкви и к перемене веры не принуждаются. Впрочем, отдается на ваше благоусмотрение, подавать мемориал или объясниться устно".

Только в июне 1750 года Бестужев мог отвечать императрице на этот рескрипт. По дальнему расстоянию и по малому числу приезжающих из Трансильвании он еще не узнал, действительно ли протопоп Баломери послан от всего народа; но узнал другое, что прошлого лета приезжали из Трансильвании депутаты с жалобой на религиозные гонения и возвратились назад без всякого удовлетворения. Потом присланы были оттуда же монах и приходский священник, которые самой императрице подали жалобу на притеснения от униатов: православных, которые унии принять не хотят, напрасно бьют, поносят, отнимают насильно их имущества, сажают в тюрьмы безвинно, двойные подати берут, на церкви налагают оброки и не допускают в них службу совершать, отчего уже в шесть лет младенцы без крещения, старые и взрослые без исповеди и приобщения остаются, а умершие тела без отпевания просто в землю зарывают. До сих пор еще нет никакого решения от императрицы. Бестужев сделал экстракт из рескрипта императрицы, приложил к нему декрет императора Леопольда в пользу православных и противоположный декрет Марии-Терезии в пользу унии и отдал канцлеру графу Улефельду с требованием прекратить гонение на православных как добрых и верных подданных ее величества. Улефельд отвечал, что ни о каких притеснениях не слыхал, но помнит одно: что в Трансильвании явился какой-то возмутитель и хотел подчинить своей власти некоторых приходских священников. Его вызвали в Вену для объявления о тягостях, о которых он так разглашал, но он вместо того убежал в турецкую Валахию, а оттуда, вероятно, пробрался в Москву. При этом канцлер уверял, что у них люди всех вер имеют полную свободу, а греческого исповедания людей в Трансильвании гораздо больше, чем всех других.

В августе отправлен был Бестужеву повторительный указ: употребить старания в защиту трансильвано-волошского народа. Бестужев отвечал в конце сентября, что несколько раз упоминал Улефельду об этом деле, тем более что трансильванские депутаты и посторонние приезжавшие из тех мест люди подтверждали, что повсюду там православные священники совершать службу и по домам ходить с требами не допускаются, также книги церковные русской и волошской печати и духовных людей через границу пропускать запрещено; духовные и мирские люди за непринятие унии содержатся по разным местам за крепким арестом, и униатские попы всем православным грозили, что если они не приступят к унии, то не только потеряют все имение, но императрица-королева велит своим войскам искоренить их мечом с женами и детьми. От этого страха многие

разбежались по лесам и в горы. На жалобы депутатов до сих пор никакой резолюции нет. Императрица отдала все челобитные тайному советнику Коловрату, у которого находятся в заведовании дела православного народонаселения; но этот Коловрат по своему католическому ханжеству и наущению здешних духовных всем православным неописанные пакости чинит, и граф Улефельд на представления Бестужева отвечал, что ему надобно взять справки у Коловрата. В последний раз, когда Бестужев спросил Улефельда, в каком положении дело, тот отвечал, что трансильванскому народу никакого утеснения в вере не делается, что приезжающие в Вену православные трансильванцы и тот беглец, что живет в России, все выдумали. Потом Бестужев узнал, что Коловрат объявил депутатам, чтоб, взявши паспорта, ехали назад, и когда они спросили, как же императрица решила их дело, то он с сердцем стал кричать, что они все бунтовщики, шизматики, были прежде униатами, а теперь обратились в шизму; на это депутаты отвечали, что они никогда униатами не бывали, а если некоторые из их попов для корысти, без ведома народа скрытно соединились с римскою церковью, то им до них никакого дела нет. Затем Коловрат, ругая их всячески, стал им грозить, как они смели искать посторонней помощи, и велел им немедленно выехать из Вены. На адвоката, который принялся за их дело и писал челобитные, наложен штраф. "По всем изображенным обстоятельствам явно видно, - писал Бестужев, - в чем состоят здешних духовных желания и происки, и каким опасностям подвержен этот бедный и большею частию простой и безграмотный народ, и что к спасению его другого средства нет, как если ваше импер. величество соизволите повелеть австрийскому послу генералу Бернесу серьезно объявить, что если гонения на греко-католиков не прекратятся, то вы по единоверию будете их защищать; мои же домогательства здесь никакого успеха иметь не могут. В сербской, кроатской и местами венгерской землях, где живет множество народа православного, оказавшего в последнюю войну великую верность и заслуги больше других подданных, римское духовенство делает разные обиды, но православные и просить здесь не смеют, зная наперед, что никакой справедливости показано не будет". В ноябре Бестужев писал, что приехали православные депутаты из Кроации с жалобами на притеснения, что не позволяют не только строить новых церквей, но и починивать. Депутатов посадили в глубокие подземные тюрьмы, а потом отправили в Кроацию и там разбросали по крепким тюрьмам. Из Трансильвании постоянные известия, что гонение на православных продолжается с неописанною жестокостию. Вслед за тем Бестужев просил императрицу устроить церковь при посольском доме как для него, так и для множества находящихся в Вене православных; священника предлагал не высылать из России, но взять известного ему с хорошей стороны сербского священника Михаила.

Граф Михайла Петр. Бестужев приехал в Вену и оставался здесь с неприязненными чувствами к брату своему, знаменитому канцлеру. Мы видели, что жена Михайлы Петровича по лопухинскому делу была сослана

в Сибирь. В Дрездене ему понравилась вдова обер-шенка Гаугвиц, и он решился на ней жениться, писал к брату в Петербург, чтоб он исходатайствовал разрешение императрицы на брак, и, долго не получая никакого ответа, обвенчался без разрешения, следствием чего было то, что в Петербурге не признавали новую графиню Бестужеву, а потому не могли признавать ее и при дворах, где граф Бестужев был послом. В Петербурге обвиняли в этом деле канцлера, который, желая быть наследником брата, представил императрице, что брак от живой жены не может быть законным. Из письма Мих. Бестужева к Воронцову узнаем, что он прислал просьбу о позволении вступить в брак еще осенью 1747 года, а женился только 30 марта 1749 года, все дожидаясь разрешения. В этом письме читаем следующие строки, обращенные к Воронцову: "Ваше сиятельство, как уповаю, яко мой милостивый патрон и истинный друг, в сем приключении участие примете и по искренней своей ко мне дружбе и милости чинимые иногда паче чаяния против сего невинного моего поступка внушения по справедливости и человеколюбию своему в пользу мою опровергать не оставите: ибо сие дело не иное, но самое партикулярное, до государственных интересов нимало не касается и на которое я токмо для успокоения моей совести и для честного жития на свете поступил". Таким образом, канцлер, отталкивая брата, заставлял его обращаться во враждебный лагерь.

Преемником Бестужева в Дрездене был назначен, как мы видели, находившийся здесь прежде граф Кейзерлинг. Новый посол должен был начать свои сношения с графом Брюлем по поводу готовившегося события в Польше - смерти великого гетмана коронного Потоцкого. Брюль объявил Кейзерлингу, что, имея в виду распорядиться в Польше в полном согласии с Россиею, король хочет назначить великим гетманом Браницкого, а на его место полным гетманом подольского воеводу Ржевуского, потому что оба они постоянно оказывали опыты усердия к королю и его союзникам, в ссорах польских фамилий не участвуют и сохраняют руки свои чистыми от подкупов дворов иностранных, Ржевуский же оказал особенное усердие к России во время прохода войск ее через Польшу и в то время, когда Швеция старалась образовать конфедерацию. Брюль сильно жаловался на Францию и Пруссию, которые не перестают сеять семена раздора в Польше, причем главное орудие их - фамилия Потоцких с своею шайкою. "Я, - говорил Брюль, - имею в руках письменные доказательства, как эти люди производили новые соглашения с Франциею и Пруссиею насчет образования конфедерации, и дело стало только за тем, что Франция не согласилась дать им требуемой суммы денег. Однако для сохранения людей в своих сетях Франция не скупится на ежегодные пенсии: так, сендомирскому воеводе Тарло дает 4000 червонных. Легко понять, что Франция не даром обременяет свою истощенную казну. Старик Потоцкий определил при армии троих региментарей из своих соумышленников: воеводу сендомирского Тарло, коронного кравчего Потоцкого и воеводу мстиславского Сапегу, которые давно уже упомянутым дворам себя продали, свою неблагодарность к России самым черным образом заявили и

во всех замешательствах были главными деятелями. Коронный гетман вместе с силами телесными почти потерял и употребление разума; жена его делает все его именем по предписанию Тарло. Эта беспокойная голова, поседевшая в интригах, едва ли упустит из рук случай оказать себя соответственно своему нраву; притом настоящий его региментарский чин доставляет ему ту выгоду, что он легко может привлечь армию в свои виды и пользоваться ею для образования и подкрепления конфедерации. Король употреблял всевозможные способы для приведения дел в лучшее состояние и для сохранения спокойствия, но отношения его к Франции препятствуют ему сделать решительный шаг. Впрочем, я вас обнадеживаю, что его величество имеет неперемненное намерение никогда не отступить от союза с Россией и Австриею и способствовать его укреплению, относительно же сохранения тишины в Польше принять все те меры, которые императрица сочтет нужными для своих интересов". Кейзерлинг в своем донесении заметил, что характеристика лиц, сделанная Брюлем, совершенно верна.

Через несколько времени Кейзерлинг имел другой разговор с Брюлем о польских делах по поводу неудачи последнего сейма. Брюль сильно восставал против *liberum veto*. "Смутное и несчастное состояние Польского государства очевидно, - говорил он, - сеймы представляют единственный способ для решения государственных дел; но когда на этих сеймах решение дела зависит не от того, как большинство или почти все хотят, но от того, что один только не хочет, то само собою ясно, что жребий короля, республики и всех государственных дел зависит от воли одного человека, которого какая-нибудь иностранная держава употребляет для своих видов. Государство, устройство которого таково, что добро находит всегда препятствия, а зло никогда не может быть отвращено, напоследок должно само собою разложиться. На таком гибельном пути находится теперь и Польская республика; ее вольность представляет только способ, которым враги ее пользуются, чтоб препятствовать всему для нее выгодному и полезному. Никак нельзя сказать, чтоб как между знатными людьми, так и между мелким шляхетством не было людей благоразумных и благонамеренных, которые понимают опасное злоупотребление в подаче вольного голоса, предусматривают падение государства и не только жалеют о печальном состоянии отечества, но готовы употребить все средства для отвращения этого великого зла".

"Не знаю, - заметил Кейзерлинг, - в то время, когда будут стараться об отвращении одного зла, не впадут ли в другое, гораздо большее, ибо явно, что *liberum veto* сделалось болезнью уже неизлечимую; вся нация поклоняется ему как идолу; легко может стать, что малейшее покушение против него ослабит любовь народа к королю, раздражит против него, наполнит сердце сомнением, страхом, недоверием и поведет к беспокойствам, которые принесут пользу только соседям, привыкшим в мутной воде рыбу ловить". Брюль согласился с этим, но выразил мнение, что все опасные следствия были бы предупреждены, если бы Россия и Австрия согласились способствовать уничтожению *liberum veto*, и король

больше всего желает одного, чтоб соседние друзья и союзники хорошенько рассудили, что *liberum veto* полезно или вредно для них в будущем. Если в рассуждении Швеции, Порты и других соседних держав как России, так и Австрии союз республики нужен, то надобно, чтоб этот союз приносил какую-нибудь пользу, а польза может получиться только тогда, когда другие злонамеренные державы не будут иметь в руках средства уничтожить всякое сеймовое решение. Донося об этом разговоре, Кейзерлинг писал: "Теперь уже явно оказывается, что хотя здешний двор сам собою перемену в подаче вольного голоса сделать не намерен, однако не будет противиться, если республика сама собою догадается о сокращении этой употребленной во зло вольности". Из Петербурга Кейзерлингу было предписано употреблять все старания, чтоб Польша непременно осталась при существующих обыкновениях и ничего нового не было бы введено.

В июне 1749 года Кейзерлинг сообщил своему двору слова Брюля, имевшие особенное значение для русской политики. "Мы, - говорил Брюль, - не имеем никакой причины щадить Пруссию, которая продолжает делать нам всевозможные досады. Мы принуждены все это сносить; но если Россия и Австрия будут нам помогать, то мы заговорим другим голосом. Это было бы полезно видам обоих императорских дворов, ибо если б они непосредственно предприняли что-нибудь, хотя малейшее, против Пруссии, то ее двор не преминет объявить, что они хотят вырвать у него из рук Силезию; а такого истолкования нельзя будет привести, если здешний двор станет сопротивляться прусским видам с помощью России и Австрии".

В это время в Дрездене гостил побочный брат короля маршал французской службы знаменитый Мориц Саксонский, и его приезд подал повод к поднятию вопроса о Курляндии, от которой Мориц не отказывался. Он съездил в Берлин, был отлично принят Фридрихом II, и пошли слухи, что последний предложил ему руку своей сестры с Курляндиею в приданое. Кейзерлинг обратился к Брюлю с вопросом, правда ли это, и тот *в высшей конфиденции* не только дал утвердительный ответ, но прибавил, что Мориц принял предложение с глубоким молчанием и поклоном. Кейзерлинг донес также, что Мориц по возвращении из Пруссии сказал английскому посланнику Уильямсу: "Я до сих пор дрался за других; а теперь время и о себе подумать". Потом спросил у Уильямса, не может ли он ему хороший вооруженный корабль доставить, и когда тот спросил, какой именно корабль ему нужен, то Мориц дал ему записку: "Я желал бы знать, что будет стоить каперское судно или вооруженная шлюпка о 16 или 20 пушках, хорошая, на ходу легкая, которая бы не более трех или четырех лет была в употреблении". По этому поводу Кейзерлинг сообщил императрице свое мнение о курляндском деле. Император Петр I по своей государственной мудрости признал, что Россия относительно своих прибалтийских владений не может быть равнодушна к судьбе Курляндии: отсюда и брак царевны Анны с герцогом курляндским, и старание Петра

поддержать герцогство при старых его правах. Никогда Курляндия не была в таком опасном положении, как теперь, когда Мориц Саксонский возобновляет свои претензии, а дворы французский, шведский и прусский считают для себя выгодным подкреплять эти претензии. Если Курляндия отдастся в покровительство одной Короны Польской, то пропадет неминуемо вследствие жалкого военного состояния Польши, и легко понять, что виды означенных дворов не ограничатся одною Курляндиею: Курляндия в руках преданного им герцога будет служить только средством для достижения важнейших целей. Излишне было бы распространяться о том, какую помощь враждебные дворы получили бы от того, если бы на престоле курляндском сел маршал Франции и зять обоих ее союзников, королей прусского и шведского. Так как он мог бы пользоваться множеством предложений брать к себе прусское войско, то Россия никогда бы не была безопасна в своих собственных границах; перед ее воротами находился бы всегда внимательный наблюдатель, готовый пользоваться первым удобным случаем, не упоминая об удобстве, какое получила бы Швеция, высаживать свои войска в курляндских гаванях и соединяться с пруссаками; уже давно решено, что Швеция ключ к Риге может найти только в Курляндии. Единственным средством для отвращения таких бед Кейзерлинг считал восстановление Бирона на курляндском престоле.

Представляя императрице эту реляцию Кейзерлинга, Бестужев подкрепил последнюю ее часть своим мнением, что необходимо освободить Бирона и восстановить его на курляндском престоле, взявши сыновей его в русскую службу и сделавши их таким образом аманатами. Бестужев представлял, что если Курляндия останется в прежнем положении, а в Польше будет король, недоброжелательный России, то он может объявить основательную претензию на многие миллионы, причем, разумеется, получит помощь от турок, шведов и французов. Кроме того что можно оставить детей Бирона аманатами, можно еще принять другие предосторожности, именно взять с него обязательство, что он ничего от России требовать не будет, а король и республика Польская поручатся за исполнение этого обязательства на вечные времена. Через восстановление Бирона Россия приобретет признательность польского короля, отдалит всех других претендентов, прекратит всякую опасность, полякам кричать на сеймах повода не будет; тогда как теперь королю прусскому и Франции так хочется захватить в свои руки Курляндию, что Фридрих II хочет выдать сестру свою за графа Сакса, маршала французского, несмотря на то что он незаконнорожденный, притом стар и дряхл. Да хотя б он и не сыграл этой свадьбы, то довольно известно, как ему и Франции нужно это герцогство в руках иметь, дабы оттуда Россию беспокоить, шведам помогать и в Польше интриги производить. Но Елисавета отвечала решительно, что не освободит Бирона.

Попытка Морица Саксонского подкупить в свою пользу канцлера Бестужева дала последнему возможность снова поднять дело о Бироне. В октябре 1749 года советник саксонского посольства Функ известил канцлера о приезде польского графа Гуровского, который, заболевши,

переслал к нему, Функу, письмо с предложением канцлеру 25000 золотых червонных, если тот постарается доставить ему Курляндию. Канцлер решился воспользоваться этим случаем, чтоб сделать еще представление в пользу Бирона; но он боялся обратиться опять прямо к императрице после ее решительного отказа и повел дело через Разумовского, к которому написал:

"Приемлю смелость приложить при сем пакет с крайне нужными делами и ваше сиятельство покорнейше прошу оный ее импер. величеству всенижайше поднести. Я уповаю, что ее величество по всевысочайшей своей доверенности вложенное в нем прочитав вам изволит, следовательно, ваше сиятельство из того усмотреть изволите, до чего дошли производящиеся повсюду интриги о доставлении французскому маршалу графу Саксу герцогства Курляндского. Я ее импер. величеству недавно всенижайше представлял, чтоб для отвращения таких интриг навсегда несчастливого герцога Бирона освободить; но ее импер. величество сказать изволила, что его не освободит. Я потому не дерзаю более ее импер. величество моими всенижайшими представлениями утруждать, но я ваше сиятельство покорнейше прошу, приняв сие дело в уважение, ее импер. величеству при случае всенижайше представить, что граф Сакс ничего более и не требует, как такого со стороны ее импер. величества изъяснения, что Бирон свободен быть не может, следовательно, мне легко было б столь дерзостно Гуровским представленное 25000 червонных принять. Но я весьма верный ее импер. величества раб и сын отечества, чтоб я помыслить мог и против будущих интересов ее и государства малейше поступить. Сие дело столь важно и толь великих следствий, что оно подлинно всю аттенцию заслуживает и, по моему слабейшему мнению, теперь ничего нужнее нет, как оно единожды решить и окончить, ибо 1) по зачавшимся ныне в Польше крайним несогласиям весьма скоро тамо опасной конфедерации опасаться должно, при которой 2) и так зело о Курляндии шумящие поляки сие дело в наибольшее движение приведут, а особливо когда рассеянные почти везде, а особливо в Польше французско-пруско-шведские эмиссары их к тому внушениями, а иногда и употреблением денег побуждать станут, как дабы надобного им герцогом курляндским сделать, как паче тем иногда повод к дальнейшим замешательствам подать. 3) Хотя б толь великой опасности для теперешнего времени и не настояло: то, однако ж, кто за будущие обстоятельства ручаться может, кои всегда легко перемениться могут. Не всегда надеяться можно, что короли польские толь благонамеренны пребудут. Многие примеры были, что они с турками соединялись, а польские вельможи и без того по большей части французско-прускими партизанами суть; что ж будет, когда б герцог Бирон в нынешнем состоянии умер, а Польша, соединясь с турками, вместо Курляндии претензии его, в коих она истец, на Украину или Лифляндию в действо производить стала, причем всемерно Пруссия и Швеция спокойны не остались бы, но паче опасной для них ее импер. величества силе пределы положить искали б. Я желаю, чтоб я в сих мнениях ошибся, а не так точно

угадал, как ныне происшествие оправдало, что всем нынешним замешательствам и беспокойствам и перемене формы правительства в Швеции причиною есть супружество коронного наследника с сестрою короля прусского, который тем сильнее действует, нежели король французский.

Ежели токмо ее импер. величество все сии уважения в милостивое прозорливое свое рассуждение принять изволит, то чаять нельзя, чтоб ее величество яко премудрая мать своего отечества не соизволила дарованием свободы несчастливому Бирону, забыв все его преступления, предпочесть будущее благополучие своей империи тому малому, а именно около 80000 талеров в год прибытку, который ныне с курляндских секвестрованных маестностей казна ее получает, но, который, однако ж, стократно увеличен будет, когда претензии сильною рукою производить стали б. Все же сии дальности легко предвидеть, но по упущении времени не так скоро поправить, как теперь совсем отвратить можно единым только освобождением несчастливого Бирона, которое толь меньше сумнению подлежит, ибо при высвобождении его можно от него такие обязательства взять, какие токмо ее импер. величеству угодны были б; а чтоб какая от него опасность была, того никак думать нельзя, ибо княжество его только в четырех милях от Риги, следовательно, всегда под грозою российского оружия находится".

Гуровский более четырех месяцев оставался в России, и канцлер составил следующую записку для высочайшего известия: "К достоверному доказательству, что графу Гуровскому от маршала графа Сакса подлинно поручено все пути и способы в действо употребить для доставления ему герцогства Курляндского и что Гуровский и в самом деле всякими интригами сильно в том трудится, довольно его своеручных писем и оригинального графа Сакса за его подписанием и печатью на 25000 червонных билета; но он при том не остался, ибо он камергеру графу Бестужеву-Рюмину (сыну канцлера) 1000 червонных тотчас в руки выдать представлял, дабы он канцлера склонял в виды Гуровского вступить. А как потом он и к генералу Апраксину забежал, чтоб он яко друг канцлеру его в том подкреплял, который ему ответствовал, что, то будучи весьма не его дело, он не токмо в то мешаться не может, но канцлеру о том и словом упомянуть не смеет, то думать можно, что Гуровский такие посулы и попытки не сим только двоим учинил, но, может быть, и в других местах о том проискивает, а особливо, что он камергеру графу Бестужеву-Рюмину не токмо большое награждение, но притом и милость короля французского и ежегодную От маршала графа Сакса пенсию обещал". 31 марта 1750 года Гуровскому было объявлено, чтоб он в три дня выехал из столицы. Попытка Морица Саксонского не удалась, но не удалось и Бестужеву освободить Бирона и восстановить его на курляндском престоле: Елисавета осталась непреклонна в своем решении.

Между тем Брюль сообщил Кейзерлингу, что прусские отряды врываются в пограничные саксонские деревни и хватают людей в рекруты; король, говорил Брюль, не может долее сносить, чтоб его подданные становились добычею иностранцев; никто из пограничных жителей более уже не безопасен; приходят ежедневные жалобы на захват людей и увоз их за границу; король хочет употребить строгость по примеру самого короля прусского, который велел повесить саксонского таможенного чиновника по одному только подозрению, что он приехал в Галле подговаривать людей; король надеется, что будет защищен от обид прусского короля высочайшею и дражайшею дружбою императрицы, что она велит своему министру в Берлине сделать нужные о том представления прусскому министерству. Вслед за тем Брюль дал Кейзерлингу промеморию, в которой выставлялась необходимость решить поскорее курляндское дело, прежде чем враждебные дворы воспользуются им для своих видов.

1749 год Кейзерлинг окончил подробным донесением о состоянии Польши. На первом плане была здесь вражда двух фамилий - Потоцких и Чарторыйских. Началась она с соперничества в достижении гетманского чина. Русское покровительство дало Потоцким ту силу и значение, которые они по смерти Августа II поспешили употребить против России, поддерживая Станислава Лещинского. Когда после сдачи Данцига Чарторыйские признали Августа III и двор начал их употреблять в деле умирения, то эта фамилия показала отличные опыты своей благонамеренности. Когда же было постановлено забыть все прошедшее и стараться привлечь к себе всех благодеяниями, то и Потоцкие были взысканы милостями: некоторые получили пенсии, другим даны королевские маестности, иные повышены в чинах, а сам воевода киевский пожалован великим коронным гетманом, невзирая на сильный протест Кейзерлинга, находившего опасным, чтоб два главные в королевстве достоинства - примаса и гетмана - находились в одной фамилии. Последующие события оправдали опасения Кейзерлинга и до сих пор оправдывают, хотя смерть примаса и уменьшила несколько опасность.

Гетманское достоинство не могло достаться в худшие руки. Тогдашний кабинет-министр Сулковский, не давши знать Кейзерлингу, доставил этот чин Потоцкому, о чем сам потом сильно жалел, но поправить ошибки было уже нельзя без нового возмущения поляков. Привыкнув во время революции и при Станиславе управлять всем, Потоцкие хотели того же и при нынешнем короле, но, встретив помеху в Чарторыйских, воспылали к ним злобою, хотя Чарторыйские поддерживают себя единственно личными достоинствами, а нисколько не милостию королевскою, от которой ничего не получали: чем были прежде, до революции, тем и остались, равно как и старый граф Понятовский. Всему свету известно, что во время турецкой и шведской войны дом коронного гетмана был прибежищем турецких и шведских эмиссаров, которые там обыкновенно собирались, соглашались насчет мер своих против России, через Потоцкого получали нужные им известия; у него, как на почтовом дворе, держали свою переписку; он с

сообщниками во время шведской войны поднимал против России конфедерацию, отчего произошли бы опасные следствия, если бы Кейзерлинг не нашел в коронной маршалше Мнишек орудия для успокоения конфедератов, к чему немало способствовали также старания Ржевуского, Чарторыйских и Понятовского. На всех сеймах коронный гетман производил крик и жалобы против России, не имея к тому ни малейшего повода, ибо Кейзерлинг остерегался действовать против Потоцких враждебно, напротив, старался приласкать их подарками и, этими средствами привлекая на свою сторону графиню Мнишек, тещу гетмана Потоцкого и сестру Тарло, равно духовных и адъютантов гетмана, мог узнавать заранее о всех враждебных России замыслах и предупреждать их. Такие отношения Кейзерлинга к Потоцким не могли нравиться Чарторыйским; но Кейзерлинг дал знать последним, что их заслуги и благонамеренность известны русскому двору и они могут совершенно положиться на его покровительство; но он не может мешаться в их отношения к Потоцким, ибо России нужно одно - сохранение в Польше спокойствия, восстановление которого России так дорого стоило, а сам он, Кейзерлинг, просит их, что если б он потребовал от них чего-нибудь несогласного с благом Польши и дружбою между нею и Россиею, то они б не исполняли его требования, а противились бы ему всеми силами. В таком положении Кейзерлинг оставил дела в Польше, когда был перемещен во Франкфурт. Но и здесь он получал известия, что Потоцкие продолжают действовать по-прежнему в видах Франции без обращения внимания на своего короля. А теперь делается то же самое: воевода сендомирский получает от Франции пенсию в 4000 червонных; воеводе бельскому в последнюю бытность его в Париже подарено 10000 ефимков; там он недавно и проект подал, каким бы образом свергнуть графа Брюля. При короле для польских дел находится теперь подканцлер Воджицкий, который скорее предан Потоцким, чем Чарторыйским; великий канцлер коронный Малаховский сначала не держался ни той ни другой партии, но так как он выдал дочь за одного из Потоцких, то, пожалуй, скорее будет действовать в интересах этой фамилии. "Я не усматриваю, - замечает Кейзерлинг, - каким бы способом Потоцкие могли быть отвлечены от своих обязательств с Франциею и наведены на другой путь; опыт показал, что все представления и милости остались напрасными, и потому никогда ни Россия, ни король не могут доверять этим людям, которые не упускают ни одного случая к злым делам. Однако благоразумие требует не раздражать их; здешний двор думает так же, и я не премину утверждать его в этом мнении. Что же касается вольного голоса (*liberum veto*), то мысль о его ограничении не новая и не Чарторыйским принадлежит, а Потоцким, которые уже не раз и старались об этом, и если б они при короле получили такую же власть, какую имели во время междуцарствия, то давно бы уже отменили вольный голос, и эта отмена была бы гораздо выгоднее им, чем Чарторыйским, потому что они и в Сенате, и в палате послов имеют гораздо более приверженцев и потому во всяком случае обеспечены насчет большинства голосов.

1750 год Кейзерлинг начал опять неприятным для Елисаветы известием о разговоре с коронным подканцлером Воджицким по поводу Курляндии. Воджицкий объявил ему, что получил из Польши письма, в которых многие магнаты домогаются, чтоб он сделал королю наисильнейшие представления о необходимости скорейшего решения курляндского дела; что это дело заслуживает теперь особенного внимания, ибо некоторые иностранные дворы хотят воспользоваться им ко вреду России и Польши. В апреле Кейзерлинг вместе с двором переехал из Дрездена в Варшаву и в мае уведомил о богатом политическими последствиями браке коронного гофмаршала Мнишка с дочерью первого министра Брюля, а Мнишек был родной брат коронной гетманши Потоцкой, вследствие чего Потоцкие были очень довольны. Когда Кейзерлинг выразил Брюлю надежду, что этот союз с Потоцкими не произведет перемены в его отношениях к общим друзьям и в господствовавшем до сих пор политическом плане, то Брюль отвечал, что он не отдаст интересы своего государя в приданое за дочь; такие же обнадеживания делал он Чарторыйским и Понятовским. Во второй половине мая примас от имени всех сенаторов подал королю адрес о необходимости решить курляндское дело, с чем король был совершенно согласен и немедленно переслал адрес в Москву. С другой стороны, коронный гетман жаловался, что гайдамаки не дают покоя пограничным польским областям. Для успокоения последнего дела Кейзерлинг сообщил указ императрицы киевскому губернатору Леонтьеву об искоренении гайдамаков.

Между тем приближалось время чрезвычайного сейма, и надобно было решить важный вопрос - кому быть сеймовым маршалом? Король для своих интересов находил необходимым, чтоб маршалом был Ржевуский, воевода подольский, а потому уговорил его отказаться от воеводства и сенаторства, ибо по закону никто из правительственных лиц маршалом быть не мог. Но Потоцкие этому воспротивились: в день открытия сейма, когда надобно было выбирать маршала, поднялись страшные споры, и в этих спорах прошел срок, назначенный для сейма, вследствие чего он и не мог состояться.

Успокоенный относительно Польши, Кейзерлинг стал хлопотать о том, чтоб отвлечь ее короля как курфюрста саксонского от неестественного союза с Францией по причине субсидного трактата и привлечь к старому союзу с Россией и Австрией. Саксонское правительство было убеждено в малой пользе от первого и необходимости второго; но Кейзерлингу говорили одно: что если б вследствие последней войны Саксония не находилась в таком отчаянном положении и не терпела такую нужду в деньгах, то не взяла бы их от Франции; сам король сказал английскому посланнику Уильямсу: "Договор с Францией был заключен по нужде, а не по расположению". Этот Уильямс был переведен из Берлина к саксонскому двору частью для того, чтоб получить понятие о делах в Польше, главным же образом для того, чтоб наведаться, склонен ли саксонский двор оставить французские субсидии и вступить в обязательство относительно

сохранения вольности, тишины и безопасности в Европе. Так он сам объявил Кейзерлингу, который потому и начал с ним советоваться, как бы это дело привести в движение. Решили, что всего лучше начать с общей конференции у графа Брюля. Дело в конференции началось заявлением, что французский субсидный договор может быть заменен таким же договором с Англиею, если Саксония приступит к петербургскому договору между Россиею и Австриею. Брюль отвечал, что его государь согласен на это, и велел уже объявить о своем согласии в Петербурге, но требует ручательства в безопасности от Пруссии; пусть Россия объявит, что в случае если бы кто-нибудь обеспокоил Саксонию под каким бы то ни было предлогом, то Россия будет помогать ей всеми своими силами. Брюль заметил, что такое ручательство прежде всего необходимо, ибо когда в недавнее время Россия по причине шведских дел требовала помощи от Саксонии, то прусский король велел объявить в Дрездене, что как скоро неприятельские действия начнутся, то он Саксонию задавит, чтоб отнять у нее возможность продолжать игру. Кейзерлинг и Уильямс признали справедливость этого требования; причем Кейзерлинг заметил, что, пока у Саксонии будет продолжаться союз с Франциею, Россия не может оказать полной доверенности Саксонии. Уильямс предложил, что будет достаточно, если король польский на аудиенции объявит им, что не намерен возобновлять союзного договора с Франциею, а намерен вступить в обязательства с древними своими союзниками, если он получит столько же выгод, сколько представлял договор с Франциею, и если русская императрица сделает декларацию о безопасности и гарантии его областей и прав. Кейзерлинг согласился, и 12 августа ему, а на другой день Уильямсу король объявил, как было условлено. Во время ведения этого дела о тесном союзе польского короля с русскою императрицею Кейзерлинг был смущен возобновлением жалоб белорусского епископа Волчанского на притеснения греческой веры, жалоб, которые должны были вести к неприятным объяснениям с польскими министрами; а теперь Волчанский именно жаловался на притеснения в областях литовских канцлеров. Кейзерлинг обратился к подканцлеру князю Чарторыйскому с представлением, что дело идет о нарушении договора вечного мира и пример этого нарушения подается в маенностях министров республики. Чарторыйский отвечал, что это все зависит от виленского католического епископа; он, Чарторыйский, сносился с ним, и тот велел отвечать, что он не может дать явного позволения на перестройку и починку русских церквей, но хочет своим духовным под рукою приказать, чтоб они не препятствовали исповедникам греческой веры. Чарторыйский обнадеживал Кейзерлинга, что он с своей стороны всячески защищает людей греческой веры, что он им на собственный счет построил церковь. Кейзерлинг окончил свое донесение следующими любопытными словами: "Мне здешнее польское министерство часто давало знать, для чего люди греческой веры не обращаются с своими жалобами к своему королю, для чего они обо всем чрез другой двор представляют? Они жители и подданные республики, и следовало бы им своему королю честь отдавать и

с доверием просить его о защите и помощи Хорошо было бы, если б греческим епископам объявили, чтоб они впредь свои жалобы приносили обычным образом самому королю и потом пересылали бы их ко. мне, а я их не преминул бы подкреплять по высочайшим намерениям вашего величества; это, по словам польских министров, дало бы делам лучший вид, ибо происходило бы естественным порядком".

Другое неприятное дело, курляндское, также не затихало; в сентябре канцлеры подали Кейзерлингу промеморию, в которой говорилось, что в последнем сенатус-консилиум, держанном в конце августа, все сенаторы единодушно просили короля возобновить наисильнейшие домогательства и представления при российском дворе об освобождении герцога курляндского Бирона: право, потребность порядка и тишины в Курляндии, природная ее величества справедливость, необходимая предосторожность для предупреждения вредных политических последствий - все указывает на это дело как на дело первой важности для короля, республики Польской и России, которых интересы соединены. При этом канцлеры устно сообщили Кейзерлингу, как прискорбно королю и республике, что после многократного дружеского домогательства о герцоговом освобождении до сих пор никакого ответа нет.

Елисавета осталась по-прежнему непреклонною относительно Бирона и Курляндии, ибо если, с одной стороны, могли указывать на необходимость успокоить Курляндию и Польшу на случай войны с Швециею и Пруссиею, то, с другой стороны, могли внушать, что именно в случае этой войны Курляндия должна оставаться без герцога и быть в распоряжении России. Шведские дела преимущественно обращали на себя внимание русских государственных людей.

В январе 1749 года в конференции с шведскими министрами Тессинем и Экеблатом Панин прочел декларацию своего двора против восстановления самодержавия в Швеции. Когда Панин прочел то место декларации, где говорилось, что некоторыми восстановлением самодержавия хотят избежать ответственности за свое поведение пред государственными чинами, то Тессин, уставивши глаза на Экеблата, несколько времени оставался неподвижен; когда же Панин окончил чтение, то Тессин начал говорить, что эти ведомости о самодержавии для них сушая новость и что из всех ложных слухов, которые в последнее время рассеяны были по провинциям, они ничего подобного не слыхали; что они как сенаторы обязались присягою охранять настоящую форму правления; наследный принц при своем избрании поклялся и не мыслить о самодержавии. "Наша вольность, - заключил Тессин, - так нам дорога, что мы не захотим опять подвергнуться игу".

После этой декларации немедленно было созвано чрезвычайное собрание Сената в присутствии наследного принца, и надворный канцлер Нолкен принял на себя сделать королю ложное донесение, будто Панин в

конференции именем императрицы объявил, что она хочет держать в готовности все свои силы для утверждения по кончине королевской наследного принца на престоле. Это донесение так встревожило больного короля, что он не мог заснуть всю ночь, и когда на другой день явился к нему с докладами советник гессенской канцелярии Бенинг, то он с глубокою печалью и упреком сказал ему: "Вы мне всегда толковали о дружбе ко мне русской императрицы, а вот что ее посланник объявил в конференции! Можно было бы до моей смерти подождать с такою декларациею, и без того эти негодяи очень смелы; разузнайте, что за причина такого поступка Панина". Как скоро Панин узнал об этом чрез надежного человека, то немедленно отправил к Бенингу оригинал императрицына рескрипта для уяснения дела королю. Между тем Тессин сообщил Панину, что королевский ответ на декларации будет состоять в следующем: король узнал с великим удивлением, будто бы в Швеции существует намерение восстановить самодержавие и даже делаются втайне приготовления; король тем более удивляется такому слуху, что, кроме слухов из Норвегии о датских вооружениях в пользу наследного принца, ни о чем подобном никаких неосновательных разглашений не выходило; король находился насчет этого в полном спокойствии, твердо полагаясь на святость присяги, на добросовестность его высочества наследника, на должное бодрствование своего Сената и на всенародную ненависть к самодержавию: впрочем, дружеское объявление со стороны императрицы король принимает с наичувствительнейшею признательностию.

Вслед за Паниным датский посланник Винт прочел Тессину от своего двора такую же декларацию относительно восстановления самодержавия и получил в ответ то же изумление и те же отговорки. Колпаки были в восторге от этих деклараций, шляпы были особенно встревожены, тем более что смотрели на русскую декларацию как на следствие падения Лестока. Ласковость их к Панину усилилась. Предложение сенатора Палмстерна о созвании чрезвычайного сейма было отклонено, ибо не надеялись на его счастливый исход среди двоих бдящих соседей, которых цель была явна.

Мы видели, что кронпринц непременно хотел быть канцлером Упсальского университета. Он достиг своей цели и старался пользоваться своим влиянием в университете. В Упсале бывала большая ярмарка; на эту ярмарку отправился Горлеман, женатый на фаворитке кронпринцессы бывшей фрейлине Ливен: отправился он под предлогом осмотра университетских строений, а в самом деле для того, чтоб поручить профессорам, которые получили это достоинство от кронпринца, разглашать собравшемуся на ярмарку народу, что нечего бояться военных приготовлений со стороны соседей, что господствующая партия имеет в руках средство склонить русский двор на свою сторону, с помощью которого не только может противиться датским видам, но и предупредить их. Но Панин отправил на ярмарку также своего агента Гека, секретаря крестьянского чина, который чрез своих приятелей внушал, что русский

двор никогда не будет действовать заодно с злогосподствующею партией в ее стараниях восстановить самодержавие; что воинские приготовления соседей, разумеется, не причинят никакого вреда Швеции, ибо имеют целью сохранение ее вольности; несомненно, что если б Россия и Дания не охраняли так бдительно настоящей формы правления, то шведы давно были бы рабами известной ватаги и подданными Франции и Пруссии. Гек, возвратившись из Упсалы, уверял Панина, что неудовольствие против господствующей партии страшное и ненависть к кронпринцессе превосходит всякое вероятие; собравшиеся на ярмарку крестьяне, жалуясь на свое бедственное положение, говорили, что все это зло привезла кронпринцесса с собою; принца же считают человеком слабым и не способным к делам, которым управляют жена и граф Тессин. В письме к канцлеру Бестужеву Панин передал свой разговор с советником Фриденстерном, оказавшимся в последнее время одним из самых энергических людей между колпаками. Фриденстерн прямо объявил, что они не ждут никакого добра от наследного принца, и спросил конфиденциально Панина, могут ли они надеяться, что императрица, умалив свою терпеливость, наконец окажет правосудие относительно неблагодарностей этого принца и, когда нация благодаря ее оружию увидит час своего избавления, отнимет ли от него свою спасительную руку? "Вы получили так много доказательств, - отвечал Панин, - как ее величество всегда далека от того, чтоб в ваших домашних делах самовластно устанавливать какой бы то ни был порядок; вы можете быть удостоверены, что ее величество желает одного - подкреплять вашу вольность; и так как до сей минуты никто из вас предо мною не открывался относительно престолонаследия, то я об этом и не доносил моей государыне, следовательно, и министерияльного ответа вам дать мне не в состоянии. Вы можете легко понять, какой важности это деликатное дело и какой требует прозорливости для тайного и осторожного произведения своего. По моему мнению, вам надобно предварительно иметь в этом секрете еще одного или двоих из знатнейших добрых патриотов, с которыми вместе вы можете просить ее величество о защите и помощи, сделавши прежде между собою твердое соглашение, каким образом произвести это дело в действие". Фриденстерн отвечал, что завтра же хочет ехать в деревню к сенатору Окергельму и уговориться с ним, и так как кронпринц возведен в свое достоинство по рекомендации императрицы, то он не желает выгнать его из Швеции с каким-нибудь огорчением, а будет стараться, чтоб ему дали или пенсию, или единовременное значительное вознаграждение.

В конце мая Панин получил рескрипт императрицы, в котором ему предписывалось сделать вторичное представление насчет восстановления самодержавия. "Хотя, - говорилось в рескрипте, - данный вам от королевского имени ответ нас совершенно успокоил, ибо мы в добрых намерениях короля удостоверены, однако собственный наш натуральный интерес, с которым связана безопасность нашей империи и соблюдение тишины и равновесия на Севере, требует так просто не полагаться на

обнадеживания графа Тессина. Опыт довольно показал, как на тамошние обнадеживания можно было полагаться; возьмем в пример негоциации графа Тессина при датском дворе и недавно заключенный договор с прусским королем; не были ли мы сильнейшим образом обнадеживаны, что они ни во что не вступят, не уведомив нас предварительно? И так как получаемые из разных мест и из самой Швеции надежные ведомости говорят, что в Стокгольме некоторыми господами под рукою уже все распорядено тотчас по преставлении короля вдруг ввести самодержавие без извещения государственных чинов и что в секретнейшем комитете будто постановлено, что государственные чины до 1751 года собираться не должны, то, когда все это совершится, уже поздно будет с нашей стороны принимать меры. Поэтому мы сочли необходимым поручить вам испросить у шведского министерства особливую конференцию и не только повторить уже сделанные вами прежде словесные представления, но и вновь накрепко *декларовать*, что хотя мы ничего так усердно не желаем, как с нашими соседями, особенно же с Королевством шведским, пребывать в ненарушимой союзнической дружбе и в откровенном добром согласии, наши обязательства с Швециею верно исполнять и все то, что только к некоторым дальностям повод подать может, рачительнейше искоренять, однако мы если б подтверждающееся везде намерение имелось тотчас по преставлении короля настоящую форму правительства отменить и самодержавие снова ввести, что с соблюдением ненарушимой тишины и необходимого равновесия на Севере отнюдь согласно не было бы, то мы на такую перемену равнодушно смотреть никак не могли бы; но по силе принятых с Швециею Ништадским договором обязательств нашлись бы принужденными в таком важном деле принять участие и употребить наиважнейшие меры для воспрепятствования этой перемене. А чтоб однажды навсегда выйти из настоящего сомнения, чтоб впредь не опасаться нам за свой собственный интерес и вольность шведского народа, то мы считаем нужным прибавить к этой декларации следующее: если б по смерти королевской вздумалось отменить настоящую форму правления в Швеции, то мы для предупреждения всех будущих беспорядков приняли решение: вступить с корпусом наших войск в шведскую Финляндию не как неприятельница, но как приятельница, верная союзница, защитница утесненной шведской вольности по примеру 1743 года, когда мы на собственном иждивении корпус наших войск в Швецию посылали, дабы государство от тогдашних сомнительных внутренних беспокойств и опасности избавить. Этот наш корпус не причинит обывателям Финляндии ни малейшего отягощения, будет содержан на собственном нашем иждивении, в нем будет наблюдаться строгая дисциплина в той, разумеется, надежде, что вся шведская нация эти наши войска примет самым дружественным образом. Если же, паче чаяния, некоторые из шведов по частным корыстным видам вознамерились бы эту нашу полезную предосторожность превратно толковать и в предосуждение своего отечества нам сопротивляться, в таком случае как собственные наши интересы, так и обязательство с Швециею необходимо потребуют,

чтоб мы за утесненную вольность нации действительно и сильно вступились и всех тех, которые помыслили б эту вольность нарушить, за изменников своего отечества признавали, следовательно, с ними как с нашими неприятелями и нарушителями внутреннего покоя поступили".

Панину удалось достать постановления секретной комиссии насчет восстановления самодержавия по смерти королевской; пересылая их к своему двору, он жаловался на слабое состояние русской партии: "Их (членов русской партии) настоящая ситуация такого состояния, что они с наилучшим в свете намерением и диспозициею прежде не могут пошевелиться, пока такого щита пред собою не увидят, который бы при самом начатии дела от первого удара со стороны злой партии их мог спасти, чего они тем паче опасаются, ибо их имена весьма знатны суть, и потому они страшатся, чтоб их первую кровию все дело не венчалось". Главная трудность дела, по мнению Панина, состояла в том, что не было способа к составлению хотя немногочисленной, но формальной партии, чтоб всех привести под одну дирекцию и постановить общую систему, чтоб они могли свои растерянные рассуждения сделать единомысленными и каждый бы прямо знал, от кого он зависит; во-вторых, трудно определить время, образ и обстоятельства, при которых дело должно начаться; они ничего так не боятся, как быстрого и нечаянного для себя удара, и наступающую зиму ожидают с ужасом, а замерзшее море почитают своею могилою. Помогать ему, Панину, они ни в чем не могут, ибо не имеют в делах никакого участия, живут в уединении без сношений друг с другом, а если случится им неожиданно свидеться, то при этом свидании происходят одни рассуждения и вздохи, которые и служат им общею отрадою.

Панин успел достать и реляцию шведского посланника Гепкена из Берлина от 24 ноября 1747 года, в которой описывается следующий разговор Гепкена с Фридрихом II. "Понеже, - говорил Гепкен, - обязательством между сими высокими дворами намерения и аванжаи обоих государств (Швеции и Пруссии) так равномерными и неразделимыми учинены, что никакой иной разности, кроме порядка в правительстве, не настоит; того ради и секретный аусшус (комиссия) государственных чинов старался, чтоб в том возможное равенство доставить, дабы обои их величества друг друга с равною властиею и равномерною скоростиею, когда то потребно будет, во всем способствовать могли. Его королевское величество прусское (пишет Гепкен) о том великое удовольствие оказывал, а особливо понеже он в таком мнении находился, что имевшее его по причине того с графом Тессинем советование, как его королевское высочество в Швецию перевезен быть имел, к тому первый повод подало, и его величество присовокупил к тому, что без такой перемены постановленное обязательство в таком состоянии и силе, как оное ныне есть, никогда с безопасностиею прочно пребывать не могло б; однако ж он опасается, что иногда противная партия, которая российского и датского дворов виды подкрепляет, в действительном произведении такого секретного аусшуса полезного распоряжения препятствовать может". Подле этого места

канцлер Бестужев сделал заметку для императрицы: "Из него усматривается, что еще при трактовании о супружестве коронного наследника вредительное намерение о введении самодержавства в виду имелось. Ее импер. величеству, правда, невозможно было тогда сего предусмотреть, но Бриммер и Лесток, кои главнейше на сие супружество присоветовали, конечно, о том знали. Только ж канцлер и тогда еще противу того представлял, как то ее импер. величество чаятельно о том припамятовать изволит". 15 июля Панин писал канцлеру Бестужеву: "Я не в состоянии предусмотреть никакого способа, которым бы можно было не допустить прусский двор вмешаться в игру, если только она начнется введением самодержавия; дело кончится здесь прежде, нежели будет получено известие о его начале. Со стороны народа никакой надежды на сопротивление не видно. Добрые патриоты сами собою ни на что не отважатся, пока не увидят себя в безопасности вследствие помощи своих союзников, явившейся среди Швеции; а наступающая зима эту надежду у них отнимает. Если бы возможно было еще нынешнею осенью нечаянно вступить в Швецию с требованием созвания сейма и тем предупредить Пруссию?"

Сношения с Корфом замедлили подачу второй русской декларации против введения самодержавия; когда она была подана, граф Тессин, встретившись 24 августа с Паниным на половине кронпринцессы, стал ему говорить, что прежде подачи формального ответа на декларацию он хочет объясниться с ним дружески по этому делу, и просил, чтоб Панин говорил с ним теперь не как с министром, но как с приятелем, который его особенно почитает за честного человека и благонамеренного министра. "Я спрашиваю, - продолжал Тессин, - у вас совета, каким образом сочинить наш ответ: войдите в наше положение, восчувствуйте тот удар, который такая декларация наносит нам, обратите беспристрастное внимание на независимость, какою должна пользоваться каждая держава". Панин отвечал, что хотя бы он имел и высокое понятие о своих политических способностях, то и тогда не воспользовался бы его учтивостью и не осмелился своими советами предупреждать решение его двора; теперь же тем менее может это сделать, ибо не сознает в себе достаточной к тому способности. Но, желая отвечать дружеской откровенности, он не может скрыть перед ним, что и ему декларация кажется очень важною и достойною всякого внимания; время всего лучше оправдает то или другое и несомненно поставит дело в желаемое положение, почему и тревожиться много не следует, если он твердо уверен, что никакого замысла против правительственной формы в Швеции не существует. Тессин отвечал: "Я чувствую основательность вашего рассуждения и в последнем случае очень спокоен; но примите во внимание тот случай, когда одна держава объявляет другой, что она без всякого требования приняла решение вступить с войском в ее области; как должна последняя держава принять такую декларацию? Каждое правительство должно сохранять внутреннюю и внешнюю тишину своего отечества, причем тогда только обращается за помощью к союзникам, когда сами не имеют к тому способов; но Швеция

теперь благодаря Бога такой для себя нужды не предусматривает". "Прежде чем я вам буду отвечать, - сказал Панин, - я попрошу изъяснения на два пункта: 1) возможное ли дело, чтоб вся шведская нация единогласно захотела отменить настоящую форму правления? и, во-2), как вы толкуете седьмую статью Ништадского договора?" Тессин несколько времени собирался с мыслями и потом отвечал: "Первое я считаю совершенно невозможным; а седьмая статья имеет силу, когда бы действительно настоял такой случай и мы потребовали бы русской помощи". "Позвольте вам припомнить, - сказал на это Панин, - что когда я приехал сюда, то вы меня предупреждали насчет существования разных партий в королевстве; мы теперь, например, и можем предположить, что одна из этих партий замыслила по кончине королевской переменить форму правления и произведет это в действие на сейме, имея у себя большинство голосов; спрашивается, от кого ожидать тогда требования относительно исполнения обязательств и можно ли в таком случае предупредить вредное дело? Рассмотрите своим здравым рассуждением, какие бы Россия потаенные и своекорыстные виды могла иметь против Швеции, чтоб пользоваться ей такими вероломными стратагемами? Она не ищет распространения своих границ, чему достаточные опыты имеются, а других каких-нибудь видов и представить себе нельзя. Она может иметь в виду только сохранение всеобщего спокойствия, что несовместимо с переменою формы здешнего правительства, и я могу вас уверить, что когда в Швеции не будут думать об этой перемене, то никогда не увидят в своих пределах соседского войска". Тессин поблагодарил за дружеское объяснение.

Понятно, что в России не хотели употребить решительных мер - посылать войско без всякого требования со стороны шведов; хотели помешать восстановлению самодержавия посредством самих же шведов и потому требовали от Панина, чтоб он поддерживал партию противников самодержавия, и назначили для этого 50000 рублей. Панин должен был повторить: "Так называемые благонамеренные патриоты всегда готовы брать наши деньги; но при настоящем положении здешних дел нельзя ожидать от этого никакой пользы, ибо без прикрытия своих спин они не ополчатся, тем более если они увидят, что все это клонится только к отстранению самодержавия, тогда как у каждого из них другая цель - низвержение господствующей партии и получение знатных чинов и должностей. Если по выключении двух или трех человек по всем другим моим знакомым рассуждать о всем шведском народе, то надобно прийти к заключению, что он не понимает общего блага и пользы отечества, но каждый преследует собственные цели. Зависть и ненависть, с одной стороны, а деньги - с другой, - вот побуждение и хорошего и дурного". К канцлеру Бестужеву Панин писал, что он не имеет искусства и качеств, нужных для составления партии, не может столько обращаться между людьми, ибо нрав его требует уединения, причем и тупоречение препятствует.

30 августа Панин был приглашен на конференцию, где получил ответ на декларацию, состоявший в следующем: "Декларация, которую кронпринц недавно издал по собственному соизволению, что он желает оставить неприкосновенною настоящую форму правления, достаточна к уничтожению всякого подозрения. Если же и после того обнаружилось бы какое-нибудь покушение на вольность и права народа, то правительство имеет достаточно средств для сопротивления подобному покушению. Если же, несмотря на это, ее импер. величество без предварительного и формального требования со шведской стороны приказала войскам своим перейти границы, то подобный поступок будет принят за нарушение всенародных прав и за явный разрыв, который понудит Швецию употребить для защиты своей все данные ей Богом средства".

Датский посланник, готовивший также декларацию в смысле русской, узнавши об ответе, испугался и не подал никакой декларации. Панин писал канцлеру Бестужеву: "Вашего высокографского сиятельства ко мне высокая милость и протекция всегда меня дерзновенным пред вами учиняет; но, милостивый государь, при таких мне критических обстоятельствах здешних дел если бы я сей доступи еще не имел, то б как возможно было по сие время мне спастися? Ибо поистине признаюся, что теперь не вижу, как беспорочно наконец освободиться; того ради всепокорнейше прошу милостиво рассмотреть мои слабые мнения. Датский двор довольно оказал свое правило - ко всему склоняться, не производя ничего в действо, и с предосуждением доброй вере искать временных выгод. Может быть, он надеется много и на то, что видит нас с Швециею в таких замешательствах, и надеется этим себя сохранить от опасности, которой когда-нибудь, рано или поздно, может подвергнуться вследствие своего поведения. Правда, еще можно сколько-нибудь надеяться, что на введение в Швеции самодержавия двор этот равнодушно глядеть не может, но он ограничится тем, что не признает самодержавия в Швеции в надежде, что Россия будет действовать против нее всеми своими силами и, таким образом, все бремя шведских дел падет на одну Россию, если только английский двор не будет действовать с нами сообща. Поэтому было бы желательно, чтоб лондонский и венский дворы о здешних делах получили самое ясное понятие, какого они до сих пор не имеют. Весь интерес наших высоких союзников состоит в том, чтоб шведский король сам собою не был в состоянии начать войну, вступить в новые обязательства и умножать свою военную силу. Когда Англия захочет серьезно приступить к делу, то она силою своих денег может много облегчить; в противном случае я не вижу возможности помешать здешнему перевороту, кроме долголетней войны; если же не воевать, то надобно будет осудить себя за исключение из общих европейских дел, ибо как скоро здесь характер правления переменится, то России придется думать только о собственных своих делах. Признаюсь пред вашим высокографским сиятельством, что моя нынешняя жестокая здешняя жизнь кажется мне бесплодною".

Известный советник Фриденстерна предлагал Панину ввести в Финляндию корпус русского войска с опубликованием причин этого поступка и созвать сейм в Финляндии, на что эта страна имеет полное право. Панин писал императрице, что он в этом предложении находит некоторое основание, ибо в прошлом веке особые финляндские сеймы бывали. В то же время Панин доносил о намерении господствующей партии заставить короля подписать отречение от престола в пользу наследного принца, что сделать легко по душевному и телесному состоянию короля, который подпишет акт не читая. Панин переслал в Петербург и копию заготовленного уже акта отречения. Венский двор хлопотал, чтоб шведское правительство издало обнадеживательский акт, что правительственная форма изменена не будет; когда австрийский резидент упомянул о необходимости этого акта французскому послу, то последний заметил, что такой необходимости нет, ибо седьмой параграф Ништадского мира никакого действия иметь не может: он в Абовском трактате не повторен, а между всеми державами в обычае последними трактатами именно и специально обозначать прежние обязательства.

Между тем Панин получил из России 50000 рублей, назначенных для формирования партии. Несчастный посланник не знал, что с ними делать, и писал канцлеру Бестужеву: "Ваше высокографское сиятельство, конечно, сами просвещенно ведать изволите, что с одними так называемыми добрыми патриотами ничего начать нельзя в надежде доброго успеха. Другое дело, если б мы имели в Сенате одного или двух достойных вождей; опыт доказал, как недостаточно управление партией посредством иностранного министра, хотя бы он обладал гораздо большими для того качествами, чем я. Может служить примером и противная здешняя партия: она, конечно, не французскими министрами, но внутренними ее вождями управляется и содержится и укоренение свое в делах получила чрез сенаторский подкуп; напротив того, наша сторона как скоро в 38 году потеряла свою силу в Сенате, то после при разных и очень полезных случаях не могла поправиться. Не вижу другого способа к начатию формирования партии, как подкуп двоих или троих сенаторов, которые бы имели все нужные для вождя партии качества и взяли на себя дело составления партии, и так как время сейма еще не близко, а дело требует больших расходов, то английский двор может здесь своим золотом преодолеть силу Франции". Больших хлопот стоило провезти деньги в Стокгольм, чтоб утаить их от таможенных чиновников. Гвардейский каптенармус и переводчик привезли их из Копенгагена. Переводчик оставил своего товарища с деньгами за воротами Стокгольма, а сам приехал к Панину. Тот выехал с секретарями своими на охоту и остановился ночевать в трактире, где жил курьер с деньгами, под предлогом болезни; ночью перенесли суммы с деньгами в комнату посланника, который вместе с секретарями надели их на себя под епанчи и таким образом провезли в город.

Панину предстояло еще тяжелое дело - подать третье требование своего двора шведскому правительству. 26 октября императрица апробовала следующий рескрипт к нему: "Мы из ваших донесений усмотрели, каким образом вы учинили вторичную декларацию шведскому министерству и какой неудовлетворительный для нас ответ дан вам королевским именем. Мы за наилучшее изобрели требовать, чтоб шведский двор вступил с нами в особливую негоциацию для постановления торжественной конвенции, чтоб Швеция нынешнюю форму правления отнюдь и ни под каким видом не отменяла, напротив чего мы обязались бы не только эту форму правления, но и установленное там наследство гарантировать и пригласить к той же конвенции все дворы. При вручении этой промемории вам подается наилучший способ - содержание ее подкрепить дальнейшими рассуждениями и явственно показать, как неприличен данный с шведской стороны ответ и как этот новый с нашей стороны поступок свидетельствует о наших прямо дружеских к шведскому двору чувствах, особенно к наследному принцу, ибо, кроме того что мы ревнуем о соблюдении прав и вольности соседственной нам нации, мы не хотим допустить, чтоб принц, покусившись когда-нибудь их нарушить, преступил учиненную им присягу и тем в начале своего правления возбудил ропот целой нации, любящей свою вольность, и сделал бы это принц, в возведении которого в его достоинство мы принимали такое участие. Это довольно показывает, основательны ли были рассеянные повсюду злостные слухи, будто мы старались ниспровергнуть наследство, нами самими установленное, когда мы стараемся заблаговременно отвратить и то, что могло бы служить поводом к такому ниспровержению. Теперь шведскому министерству представляется последний случай показать нам искренность тех уверений, какие оно нам не переставало твердить: им стоит только вступить в предлагаемую конвенцию, что им сделать легко, когда они обнадеживают не иметь никакого помышления об отмене нынешней формы правления; это для них и выгодно, ибо они разом освободятся от беспокойств, в каких их содержат продолжающиеся со всех сторон вооружения".

Канцлер писал Панину: "Я вашему высокоблагородию откроюсь, что мы, подлинно осмотрясь, никакого скоропостижного без рассуждения поступка не сделаем и первые в огонь не бросимся, хотя при том и всегда готовы будем ко всему тому, чего обстоятельства и сходство всевысочайших интересов потребовали б. Я верю, что господа датчане больше всех ошибутся, да и не худо, чтоб они ошибку свою прямо почувствовали. Ее импер. величество со всем тем, однако ж, всевысочайше намерена к датскому двору ни малейшей наружной отмены в своих сентиментах не показывать, но паче стараться, что ежели б начатую с оным негоциацию о шведских делах пресечь должно было, то таким образом сделать, чтоб датский двор тому виновным оставался; а впрочем, что до шведов самих принадлежит, то хотя мы и по действительной отмене их формы правительства первые войну с ними начать не намерены, а еще меньше не учиня с союзниками нашими предварительного соглашения, однако ж когда с здешней стороны в нынешней вооруженной позитуре останемся, то,

может быть, сие одно довольно сильным способом будет шведов самих о том в раскаяние привести и иногда до того достигнуть, что сами ж они принуждены были б паки нынешнюю форму правления восстановить, когда собственные их подданные, и без того великими налогами и податями отягощенные, продолжаемым для того далее непрерывным вооружением в совершенное отчаяние приведены будут и против самовластного правительства восстанут, еже толь имовернее есть, ибо известно, что они ни третьей доли того не снесут, еже ее импер. величество без всякого труда в действо произвести может. Все сие единственно для собственного вашего известия остаться имеет, а впрочем, нимало не препятствует, чтоб ваше высокоблагородие по прежде данным вам наставлениям не старались благонамеренных в Швеции сколько можно ободрять и их при лучших сентиментах содержать. Ничего лучше быть не могло б, как, приобретя Финляндию, шведов с датчанами их жребию оставить; но происходящие иногда оттого следствия не толь легко предвидеть можно, как бы такое предприятие требовало; но паче опасаться надобно, что таким образом и самые наши союзники не только за случай союза не признали б, но паче мы наступательною стороною признаны быть могли б. Впрочем, я охотно и совершенно вступаю в рассуждение вашего высокоблагородия касательно до жестокой тамо вашей жизни. Но ваше высокоблагородие противу того сами ж рассудить изволите, такие ли ныне обстоятельства, чтоб ее импер. величество могла, хотя на малое время, оттуда взять такого человека, на верность которого ее величество полагаться изволит и искусство его к нынешнему соглашению тамошних дел весьма нужным находит".

Письмо было очень лестно; но с Панина не слагалась обязанность иметь дело с "благонамеренными", которые, по его мнению, никуда не годились, и он должен был подать третью декларацию, от которой не ждал никакой пользы.

Третья декларация была отдана Паниным шведскому министерству 4 января 1750 года; ответ получен был 26 числа того же месяца и состоял в решительном отказе вступить в какую-либо конвенцию относительно формы правления. Так как Австрия и Саксония подкрепляли предложение русского двора, то шведское министерство объявило, что король для уничтожения в Европе всякого сомнения относительно своих миролюбивых намерений гарантирует всеми своими союзниками, что он первый никогда мира не нарушит, и если русский двор примет эту гарантию и с своей стороны даст такую же, то спокойствие сейчас же восстановится. Панин переслал канцлеру свое мнение, что такую гарантию Россия совершенно отказалась бы от права противодействовать перемене правительственной формы. Шведы хорошо знают, что русский двор поймет, в чем дело; но им хочется усыпить союзников России, которые, быть может, не так далеко проникают в шведские дела, могут смешать перемену правительственной формы с нарушением мира и ослабить свое внимание, так что Россия одна останется занятою шведскими

делами, что для Франции и Пруссии очень желательно. Весь беспристрастный свет должен признать, что противовесие Франции заключается в силах одной России, которой при шведской перемене нельзя будет принимать большого участия в общих делах для пользы своих союзников. Одно средство однажды навсегда приобрести безопасность и славою окончить принятые относительно Швеции меры - это получить от наших союзников формальную гарантию насчет ненарушимости шведской формы правления, причем в особом секретном акте обозначить все касающиеся дела пункты, отменю которых может быть нарушена общая система равновесия, и при таком нарушении постановить признание союзного случая (*casus foederis*). Этим рассмотрением нынешний образ шведского правления введется в генеральную форму всей Европы и господствующая в Швеции партия лишится возможности называть ее домашним делом. Это выражение - "домашнее дело" - может иметь силу в юридических школах между простым народом, а не в кабинетах держав. Бестужев отвечал на это *благорассудительное* мнение, что его нельзя довольно выхвалять. "Я, - писал канцлер, - не оставил бы стараться надлежащее по оному употреблению учинить; но, зная, вашему высокоблагородию, может быть, не так сведомые диспозиции наших союзников, я предусматриваю, что сей хороший план и чрез долгое время своего совершенства едва достиг бы. Прошедшая война их так засуетила, что они поныне ни о каких посторонних делах помышлять не хотят, по меньшей мере ни на что не поступят, не протягивая вдаль, еже не иначе как противной стороне повод подавали б тому перечить, умалчивая, что Англия и без того едва похотела б шведскую форму правительства (гарантировать), не приглашая к тому Франции. Таким образом, легко сделаться могло б, что чинимые нами о том пропозиции втуне остались бы, следовательно, теперь наилучшее есть, находясь по всяким происшествиям в готовности, смотреть и обождать, какое течение дела примут, потом уже свои меры принимать. Когда наши союзники, а именно венский, лондонский, копенгагенский и дрезденский дворы, на учиненные от нас им по шведским делам представления и требования никакого удовольствительного ответа не дали, то и мы все учиненные от них здесь по тем же делам пропозиции в молчании оставлять будем, дабы они и самым малейшим с здешней стороны ответом не делали себе меритов (заслуг) ни при шведском, ни при французском, ниже прусском дворах, а еще меньше все о наших намерениях известны были. Постараемся лучше одни, елико можно, целость наших интересов наблюдать".

Особенно поведение Англии заставляло думать о том, как бы "одним целость наших интересов наблюдать". В Лондоне Чернышев объявил герцогу Ньюкестлю, заведовавшему сношениями с северными государствами, что императрица надеется в случае если Швеция не обратит никакого внимания на представления России о неперемене формы правления и Россия будет принуждена исполнять обязательства Ништадского договора, то Англия признает здесь случай союза и не откажет в помощи. Ньюкестль отвечал, что сомневается, чтоб Франция

допустила Швецию заключить с императрицей какую-либо новую конвенцию о форме правительства; французский двор находится в твердом мнении, что сделанное коронным шведским наследником объявление достаточно для успокоения всего света, что в Швеции и не помышляется о введении самодержавия; Франция отказалась исполнить требование лондонского двора - склонить шведское правительство внести небольшую перемену в манифест коронного наследника для большого разъяснения дела; Франция основала свой отказ на том, что такие требования относительно внутренних дел неприличны и достоинству Швеции как вольной державы предосудительны; к этому французский посол прибавил, что очень жаль, если сделанная Швецией успокоительная декларация не будет иметь успеха и на Севере возгорится война, ибо пламя этой войны распространится по всей Европе. Когда Чернышев подал промеморию о том, что Панин представил шведскому правительству третью декларацию, то Ньюкестль сказал, что в ответе на промеморию будет заключаться просьба английского правительства к императрице, чтоб она удержалась относительно Швеции от всяких поступков, которые могут казаться наступательными, тем более что лондонский двор не может признать случая союза и, следовательно, обязанности помогать России, когда последняя введет свое войско в Финляндию единственно из досады, что Швеция откажется заключить требуемую от нее конвенцию относительно перемены правительственной формы. Чернышев выразил удивление относительно того, как этот ответ на его промеморию мало согласуется с теми искренними союзническими чувствами, которые лондонский двор много раз выражал императрице; Чернышев ставил на вид, как Англия заинтересована в этом деле не только относительно политического равновесия, о котором она так заботится, но и относительно своей торговли; и та и другая потерпят ущерб, если в Швеции восстановится самодержавие. "Я совершенно с вами согласен, - отвечал Ньюкестль, - для Англии крайне важно, чтоб в Швеции не было восстановлено самодержавие, и нашему двору очень приятно, что для недопущения этого императрица держит войско наготове; но у нас еще не усматривается никакой необходимости, чтоб императрица велела своим войскам предпринять наступательное движение, наш двор не имеет доказательств, могущих его удостоверить, что Швеция действительно намерена изменить свою правительственную форму; коронный наследник, для которого такая перемена должна произойти, не может вступить на престол, пока старый король еще жив. Французский двор продолжает уверять, что перемены никакой не последует, что об этом там и не думают, а если б что-нибудь подобное затевалось, то он сам готов тому сопротивляться как делу, не согласному с его интересами. С другой стороны, маркиз Пюизие объявил нашему посланнику лорду Альбемарлю, что если Россия действительно, как грозит, двинет свои войска в Финляндию, то Франция союзника своего не оставит, но вместе с прусским королем немедленно подаст ему помощь. Я вам скажу откровенно, - продолжал Ньюкестль, - что наш двор, недавно освободившись от разорительной войны, теперь ни под каким

видом в новую войну вступить не склонен, да и не в состоянии по усилившемуся государственному долгу, не поправя своих финансовых дел; вот почему наш двор и считает своею главною обязанностью не давать вашему двору обещаний, каких сдержать не в состоянии, и потому должен отвлекать императрицу от всего того, что могло бы повлечь к войне, тем более что Россия может иметь против себя Францию, Швецию, Пруссию и даже Турцию. И венский двор согласен с нашим взглядом".

Герцог Бедфорд, заведовавший сношениями с южными государствами, еще раз объявил Чернышеву, что если Россия начнет войну с Швециею, то Англия не примет в ней никакого участия, случая союза по договору не признает, по крайней мере он, Бедфорд, в королевском совете будет настаивать, чтоб случай союза не был признан. Англии нельзя втягиваться в новую войну по причине громадности своего долга. При этом он высказал неудовольствие, что императрица без ведома его двора велела подать Панину третью декларацию. "Я, - говорил Бедфорд, - совершенно согласен с французским двором, что декларация наследного принца достаточна для успокоения; никакая конвенция большого ручательства не даст, и я не уверен, чтоб императрица по Абовскому договору имела право требовать от Швеции больших ручательств".

Чернышев уговаривал обоих герцогов, чтоб они не очень боялись французских угроз, которые останутся недействительными при твердом союзе между Россиею, Англиею и Австриею; у Англии есть лучшее средство прекратить французские угрозы - это дать на русскую промеморию благоприятный ответ. "Я, однако, не надеюсь, - писал Чернышев, - чтоб мои представления имели какой-нибудь успех. Сомнения мои основываются на следующем: во-первых, на страхе английского министерства пред новою войною; во-вторых, на великой экономии в расходах, которая теперь здесь наблюдается; в-третьих, на несогласии министров в королевском совете, которое производит остановку в иностранных делах". В следующих депешах Чернышев между прочим извещал свой двор о разговорах Ньюкестля с посланником прусским. Последний внушал, что английский король должен употребить свое старание при русском дворе для отвращения императрицы от нападения на Швецию; в противном случае король его не может быть равнодушным и будет принужден по оборонительному договору с Швециею подать ей помощь. Ньюкестль отвечал ему, что у Англии с Россиею оборонительный союз и потому если Россия начнет с Швециею наступательную войну, то Англия в этой войне участия не примет.

Чернышев был очень недоволен этим ответом английского министерства, Панин был очень недоволен пунктами внушений, представленными шведскому министерству от другой союзницы России, Австрии. В этих пунктах говорилось, что римская императрица не может представить никаких новых способов к соглашению между Россиею и Швециею и ожидает с шведской стороны, не сыщутся ли такие способы, которыми бы

возможно было как можно скорее установить тишину. Римская императрица обещает без требования или предписания представить русской императрице, не может ли она удовольствоваться шведскими обнадеживаниями и приказать отвести от границ своих лишние войска. Шведское министерство отвечало благодарностью за попечение о мире и просьбою о продолжении этих попечений. Шведский король, говорилось далее в ответе, утешает себя надеждою, что дела уладятся мирно, тем более что подозрение насчет перемены правительственной формы совершенно неосновательно; это доказывается известным манифестом наследного принца 12 июля 1749 года, и хотя манифест касался только шведских подданных, однако по своей сущности достаточен для удовлетворения России и других держав. Других способов удовлетворения без предосуждения своей независимости Швеция не знает.

Панин был недоволен австрийскими внушениями, но когда ему прислали из Петербурга копии чернышевских донесений, то поведение венского двора сравнительно с поведением лондонского показалось ему уже достойным похвалы. "Наши союзники, - писал он канцлеру Бестужеву, - могут быть извинены тем, что в рассуждении внутреннего состояния своих государств стараются посторонние дела вдаль протягивать и для того желают утишить настоящие замешательства; но тем не менее английское министерство в своем поведении оправдаться не может, ибо оно, уважая так мало искренность пред своими союзниками, ослабляет систему равновесия и тем противной стороне подает повод поступать с большею дерзостью. Как кажется, венский двор не теряет из виду последнего пункта и как ни усердно старается успокоить северные дела, однако по сие время не сделал ни одного поступка, которым бы мог поднять головы своим противникам, но при каждом отзыве мужественно оказывает твердость своей системы. Венский двор в своем рескрипте к здешнему резиденту сильно осуждает поступок английского министерства, тем более что он сделан так публично и обнародован всеми газетами".

В сентябре Панин виделся с знаменитым прежде главою колпаков стариком Окергельмом, который приезжал на время в Стокгольм. Окергельм в откровенном разговоре о состоянии Швеции объявил, что если Россия оставит Швецию ее собственному жребию, то тем скорее приведет к упадку господствующую партию. Императрица сделала все возможное и должна спокойно ожидать событий, в необходимом же случае поступить согласно с своими декларациями и тогда, конечно, найдет сочувствие в целом шведском народе, который ничего так не опасается, как войны с Россиею. Франция не так щедро будет расточать свои деньги, если русский двор не станет производить никакого движения. Все те, которые России обещают на будущем сейме золотые горы, имеют в виду только обогатиться ее деньгами; опыт показал, как трудно и бесполезно иностранному министру управлять здешними земскими делами, ибо в конце он непременно будет обманут, особенно министр русский, ибо в действительности Россия очень мало имеет здесь истинных друзей; для

главного управления делами необходимы из шведов знатные, способные и влиятельные люди; но таких он, Окергельм, не знает никого, что же касается до него самого, то он покорнейше просит оставить его в забвении, ибо не признает в себе ни малейшей к таким делам способности. Русскими деньгами ничего сделать нельзя; другое дело, если будут действовать морские державы в твердом соединении с венским двором: они могут силою денег искать себе друзей и среди французской партии и вообще могут действовать с большим успехом, чем кто-либо другой, ибо система их никогда не может быть соединена с зависимостью Швеции. Настоящая форма правления прочна по крайней мере на несколько времени; господствующая партия не может теперь ее нарушить без ускорения собственной гибели, если только русский двор останется при твердом намерении исполнять свои декларации.

В ответном рескрипте на донесение о разговоре с Окергельмом говорилось, что мнения Окергельма сходятся с мнениями императрицы, именно, сделавши все то, что благодеяниями можно было сделать: предоставить шведов их собственному жребию и быть в готовности действовать, когда безопасность русских границ того потребует. "Действительно, опыт показал, - говорилось в рескрипте, - что употребляемые в Швеции с русской стороны деньги служат только к тому, что заставляют Францию высылать еще больше денег и таким образом еще больше укреплять шведов против нас. Мы не хотим сами питать их ненависть против себя и потому повелеваем вам поступать таким образом, чтоб злонамеренные, да и почти все шведы видели нежелание ваше искать их благосклонности; вы можете при случае велеть им внушать, что вы французские деньги деньгами же перевешивать не хотите. Это, однако, не связывает вам рук продолжать знакомства, служащие вам к получению нужных известий, и делать издержки, которых требует наша служба".

Более всех других держав русским движениям в Стокгольме должна была сочувствовать Дания из страха перед усилением Швеции посредством самодержавия; но Дания была держава слабая и потому не могла действовать так решительно, как Россия, должна была поступать осторожно, озираться на все стороны. В конце января 1749 года сам король объявил Корфу, что сущность конвенции между Россиею и Даниею должна заключаться в двух пунктах: 1) Россия должна препятствовать прусскому королю в угоду шведов напасть на датские области, совершенно открытые; 2) должна быть лучше определена граница между Даниею и Швециею, ибо хотя императрица великодушно объявила, что никаких завоеваний для себя от Швеции не желает, но датские границы очень мало защищены от шведских нападений, а шведы такие соседи, которым никогда верить нельзя. После этого король с час разговаривал о шведском и прусском дворах. Корф писал, что из этого разговора можно было заметить в короле мало высокопочитания к прусскому двору, а против шведского, особенно против министерства, казался он очень раздраженным и, между прочим, сказал: "Удивительное дело, что шведский двор присылает сюда

всегда таких министров, которые могут быть названы прямыми банкротами честности, таков Тессин, таков Палмстерна, Гепкен и настоящий Флемминг, у которого такая злость и коварство на лице написаны, хотя неизвестно, умеет ли он говорить, потому что при всех случаях заставляет говорить за себя французского министра". При всем том, писал Корф, король не изъяснился ни о тех способах, какими здесь думают удержать прусского короля от вмешательства в шведские дела, ни о том, какую границу им хочется иметь со стороны Швеции.

На другой день после этого разговора министр Шулин прочел Корфу конвенцию: Россия и Дания согласились препятствовать всеми средствами введению в Швеции самодержавия и потому обязуются с обеих сторон выставить на шведских границах войско и вооружить флот; если бы Швеция вознамерилась передвинуть финляндский корпус к норвежским границам для действий против Дании, то Россия обязана сделать диверсию своими галерами в Швеции и тем поставить последнюю между двумя огнями; если прусский король соберет войско вблизи датских границ, то Россия выставляет сильный корпус на курляндских границах, датский король в таком случае сосредоточит наибольшую силу в Голштинии, а против Швеции воевать только оборонительно; если прусский король нападет на Данию, то Россия объявляет ему войну и не положит оружия прежде, чем Дания будет приведена в совершенную безопасность; Россия должна склонять кронпринца шведского, чтоб он за себя и за своих потомков отказался от Шлезвига и Голштинии; Дания должна получить все то, чего она лишилась по миру в Бремзебро. Все эти пункты должны содержаться в тайне.

Король, по уверению Корфа, желал тесного сближения с Россией по шведскому делу; но министр Шулин был французской партии и хитрил: наружно не противился конвенции и притворялся, что совершенно согласен с намерениями королевскими, а между тем старался выиграть время, вымышляя всякие предлоги к остановке дела, и желал дожидаться таких обстоятельств, которые были бы в состоянии ниспровергнуть всю машину и сохранить в Дании французскую систему.

В апреле у Корфа с Шулиным был разговор по поводу объявления, сделанного Францией британскому двору, что Франция сама будет стараться сохранить настоящую правительственную форму в Швеции и потому согласна доставить всякое обеспечение державам, принимающим в этом участие. Корф заметил, могут ли Россия и Дания ожидать такого обеспечения от державы, которой приверженцы в Швеции приняли все меры для восстановления самодержавия; внутренняя слабость злонамеренной партии для успеха в таком трудном предприятии известна, и потому можно вывести естественное заключение, что вожди партии составили означенный план не без ведома и не без предварительного совета с Францией. Корф подозревал, что Шулин сам принимал участие в декларации, сделанной Францией, чтоб доставить ей свободнейшие руки в

северных делах и усилить возможность возобновления французского субсидного договора. На замечание Корфа Шулин несколько помедлил ответом; потом, собравшись с мыслями, сказал, что и английский король считает такое обеспечение надежным и думает, что получит его от Франции. Корф не продолжал разговора, боясь подать повод заключить о каком-нибудь беспокойстве со стороны русского двора; по его мнению, некоторым равнодушием можно было в Копенгагене больше выиграть, чем усиленным старанием. Вслед за тем Шулин пригласил Корфа на конференцию и прочел ему рескрипт короля к датскому министру в России Шезу, состоявший в следующем: король великобританский велел сообщить, что, видя опасные признаки беспокойства на Севере, он велел представить обоим императорским дворам, что Англия по окончании столь тяжелой войны с Франциею может помочь своим союзникам только в том случае, когда на них нападут в их собственных владениях; тем меньше он склонен принять участие в действиях против установленного в Швеции порядка наследства, ибо в таком случае начнется общая война на Севере, причем Франция и Пруссия, по всем вероятностям, получают верх. Вот почему английский король не может не отсоветовать таких намерений своим союзникам, в том числе и королю датскому. Необходимо смотреть неусыпно, чтоб нынешняя правительственная форма в Швеции была сохранена, но сделанные в Стокгольме русским и датским дворами декларации на первый раз достаточны. Французский король велел обнадежить английский двор, что и он сам будет стараться сохранять существующую правительственную форму в Швеции и готов доставить в этом отношении обеспечение всем державам, принимающим участие в деле. Король прусский также велел повестить, что, по сделанному ему объявлению от русской императрицы, вооружения с ее стороны производятся не для обиды кому-либо, но только для предосторожности, на случай, если б явилась опасность для спокойствия на Севере; хотя этим объявлением темное облако, нашедшее на Север, казалось, начало исчезать, однако недавно явилась в Стокгольме русская декларация, следовательно, опасность от непогоды еще не совсем миновалась; поэтому прусский король желает знать намерения датского короля относительно этого дела. И французский король, продолжал Шулин, велел здесь объявить, что из датских вооружений на норвежских границах и из тесной дружбы между Даниею и Россиею его король возымел подозрение, не клонятся ли датские вооружения против Швеции; король объявляет, что в таком случае он будет помогать Швеции.

Дания отвергла субсидный и оборонительный трактат с Англиею и заключила его с Франциею на том основании, что Англия требовала за свои деньги корпуса вспомогательных войск, а Франция не требовала. Шулин, объявляя об этом Корфу, уверял, что этим трактатом с Франциею король его никак не связывает себе рук относительно Швеции, ибо когда французский посланник допытывался, как поступит Дания в том случае, если самодержавие в Швеции будет восстановлено на сейме с согласия всех чинов, то ему отвечали: если будут хотя три человека в Швеции

против перемены, то Дания будет их защищать. В августе Корф писал в Петербург, что Дания хотя немало опасается шведского переворота, однако не будет принимать серьезных мер прежде кончины шведского короля. Трудно ожидать, чтоб датский король в таком важном деле решил что-нибудь один, без министерства, ибо для этого требовались бы качества, которые даются опытностью и летами; английский посланник во время своей неготиации имел довольно тайных аудиенций, с которых уходил всегда с добрыми обнадеживаниями от короля, но Шулин умел обратить в ничто эти обнадеживания. Корф, чтоб выпытать у Шулина его мнение о шведских делах, завел речь о строении шведами крепости в Ландскроне, указывая, что это не может оставаться без опасных следствий для Дании, особливо когда восстановлено будет самодержавие. Шулин отвечал, что крепостные постройки в Ландскроне требуют долгого времени и громадных издержек, а впрочем, нельзя отвергать, что это предприятие не может быть приятно для Дании. Потом Корф склонил речь на слухи, что в конце года будет создан в Стокгольме чрезвычайный сейм для восстановления самодержавия - дело легкое при совершенном падении патриотической стороны. Корф спросил у Шулина, какие, по его мнению, нужно было бы принять меры в таком случае. Шулин отвечал, что между Россиею и Даниею еще не последовало по этому важному предмету никакого соглашения и потому он не имеет обязанности объявлять своих мнений: но так как дело идет об интересе одинаковой важности как для России, так и для Дании, то он скажет свое мнение, но только как частный человек. Я думаю, продолжал Шулин, что сделанные со стороны России и Дании военные приготовления на шведских границах достаточны для удержания злонамеренной партии в ее замыслах, эти господа легко могут видеть, что рискуют потерять свои головы, и кронпринц рискует потерять престол и быть выгнанным из Швеции; злонамеренная партия очень хорошо знает, что от Франции, кроме некоторой суммы денег, она никакой помощи не получит. Король прусский, быть может, пришлет свое выговоренное в трактате вспомогательное войско, но нельзя думать, чтоб он далее захотел вмешаться в дело. Несмотря на то, надобно внимательно следить за движениями злонамеренной партии, и я уверен, что король, мой государь, в известном случае безотлагательно примется за оружие и вступит в Швецию, хотя бы конвенция с Россиею и не была заключена, в надежде, что императрица, соблюдая собственный интерес, сделает то же самое.

Корф выпросил себе тайную аудиенцию у короля, которая происходила 3 сентября. Корф представил, что тайный комитет прошлого шведского сейма уже подписал акт введения самодержавия, отложив исполнение до будущего сейма. Теперь надобен только удобный случай, который доставит позднее годовое время, когда злонамеренные не будут опасаться никакого препятствия со стороны иностранных держав и при совершенном утеснении патриотов безопасны и относительно внутреннего сопротивления; и в какое положение тогда были бы приведены заинтересованные дворы, если бы движения злонамеренных заблаговременно

не были предупреждены, - это он предоставляет священнейшему проницанию его королевского величества. Императрица не намерена оставить без внимания такое важное дело и не сомневается, что и его величество также к нему внимателен и не откажет сообщить на его счет свои виды. Король отвечал, что он никак не может допустить перемены правительственной формы в Швеции и хочет сопротивляться этой перемене всеми своими силами, почему и сделал все нужные распоряжения в Норвегии; только он признает себя обязанным вследствие своей декларации не предпринимать ничего подобного наступательному движению до тех пор, пока злонамеренные действительно что-нибудь затеют; его цель - сохранить спокойствие на Севере, и потому никак не желает подать повод к войне каким-нибудь поступком, который бы мог быть истолкован как обида. Он надеется, что императрица совершенно согласна с ним в этом отношении, и он надеется, что дело не дойдет до войны, ибо извлеченная уже до половины на шведских границах шпага может привести злонамеренных на другие мысли. Впрочем, он просит уверить императрицу, что всегда будет поступать как истинный союзник России, убежденный в пользе и естественности этого союза; начатые переговоры с Францией и Швецией не содержат в себе ничего, что могло бы ослабить его: первая касается только получения хорошей суммы денег без связывания себе рук; вторая же состоит единственно в возобновлении старого трактата. "Было бы несогласно с моим достоинством и интересом, - продолжал король, - если б я заключил новые договоры, которые были бы противны обязательствам моим с императрицею. Я не мог принять предложения Англии, во-первых, потому, что эта держава в мирные времена больших субсидий давать не привыкла, во-вторых, потому, что она выговаривала себе помощь войсками, а я не могу из моей армии отправить ни одного человека: мои норвежцы надобны мне против шведов; из голштинских войск мне нельзя ничего дать, ибо я не знаю, что окажется с той стороны". Корф заметил, что король относительно германских своих владений может опасаться только со стороны Пруссии и в этом отношении английский субсидный трактат доставил бы полную безопасность. Король отвечал, что этого можно достигнуть, если Англия вступит в союз, не требуя, чтоб Дания лишилась французских субсидий. "Это рассуждение чрезвычайно странное, - писал Корф, - хотят на Англию наложить обязанность заботиться о здешней безопасности в то самое время, как отвергают ее дружественные предложения и дают предпочтение другой державе; из этого видно, какие слабые правила старается внушить министерство этому молодому государю".

23 ноября Корф был приглашен на конференцию к министрам, которые объявили ему, что так как шведский наследный принц недавно опубликованным актом в самых сильных выражениях высказался против перемены правительственной формы и так как императрица - королева венгерская обещала стараться о выдании со стороны шведского правительства другого подобного же акта, то датский двор признал излишним заключить по этому предмету особую конвенцию с Россией:

большая часть европейских держав тем или другим способом принимает участие в сохранении настоящей формы шведского правления, и если Россия с Даниею вступят в особые обязательства, зависящие от будущих и неподлинных случаев, то это может возбудить в других державах зависть и подозрение, что было бы более вредно, чем полезно, для сохранения тишины на Севере.

Корф приписывал такой оборот дела Шулину; канцлер Бестужев соглашался с ним, но советовал быть осторожнее относительно могущественного министра. "Принятые г. Шулином странные меры, - писал Бестужев, - меры, которые интересу короля навсегда останутся вредны, нимало не удивляют, ибо я имел случай познать с прежних еще времен превратные его мысли и совершенную преданность к Франции; почему я ему всегда не доверял, и с самого еще начала, когда тайная негоциация началась, невзирая на то что первое предложение учинено с датской стороны, никакого добра от него не надеялся. И действительно, в мнении своем не ошибся, ибо он внезапно уничтожил всю негоциацию и мнение свое в рассуждении теперешней формы правления основал только на чаянии и легко опровергаемых мнениях, в чем последовал предписанию французского двора с точностию. Я имею у себя достоверное известие, что г. Шулин испрашивал у французского двора совета, привести ли начатую негоциацию к желаемому концу, в чем ему непристойным образом отказано и запрещено. Из сего, следовательно, легко заключить можно, какую французский двор над ним имеет силу, когда рассудить, что он в угодность оному старался датский двор отщетить от нашего и возбудить между обоими несогласие... Я слышал также помощью некоей посторонней переписки, что ваше превосходительство изволили у некоторых тамошних ваших приятелей называть г. Шулина пенсионером Франции. Ваше превосходительство можете легко себе представить, что если сие дойдет до ушей г. Шулина, то он, спасая честь свою, подговорив двух свидетелей, потребует от вас отчета; и вашему превосходительству трудно будет доказать, поелику тот министр, который берет мзду, свидетелей удаляется; а между тем он, раздражен будучи вашим попреком, и при жалобе своей последует примеру графа Тессина. В тогдашнее время стоило мне несчетных трудов ваше превосходительство из бывших замешательств с честью освободить. Если же последуют теперь от датского министерства какие-либо жалобы, то ваше превосходительство можете себе представить ту досаду, которую я иметь буду за то, что вас на теперешнее ваше место рекомендовал, также и то, что я вас поддерживать не в состоянии буду. Сей случай подал бы зломыслящим шведам повод к оправданию своей бесполезной на вас жалобы: Вашему превосходительству известна моя к вам искренняя дружба по многим обстоятельствам, для которой я вам теперь и открываюсь чистосердечно. Качество господина Шулина мне давно известно, род мыслей его не годится ни к чему, он исполнен коварства; однако ж влияние его при тамошнем дворе и кредит у короля в таком состоянии, что должно ему всевозможным образом уступить, чтоб противным чем-либо не огорчить

его и чрез то не привести оба двора в расстройку. Я советую вашему превосходительству г. Шулина уступать, столько ласкать и подавать вид старания, войти к нему в приязнь, чтоб приятые им о вас худые намерения уничтожить и привести в недоумение. Такими поступками всего лучше можно выиграть. Я уже найду способ за ваше превосходительство и за себя отмстить сему коварному министру, отмстить столь чувствительно, чтоб он вечно ощущал досаду, а может быть, удастся мне свергнуть его с места; но я сие сообщаю вашему превосходительству за сокровеннейшую тайну".

10 декабря Корф имел разговор с самим королем. "Я надеюсь, - сказал Фридрих V, - получить радостную ведомость о возвращении ее импер. величества в Петербург: хотя и эта столица довольно далеко от нас, однако когда императрица в ней находится, то мне кажется, что я ее особу больше в соседстве имею и что дела тем много выиграют, особенно при нынешних обстоятельствах на Севере. По крайней мере из декларации шведского наследного принца следовало бы заключить, что шведы сами нуждаются в сохранении мира, да и старания других дворов к тому же клонятся". Корф отвечал, что известия из Стокгольма удостоверяют его, что манифест коронного наследника надобно признать хитростию французской партии, употребленную для успокоения его датского величества и разъединения с русскою императрицею. Что же касается иностранных держав, старающихся при шведском дворе о соблюдении тишины на Севере, то между ними надобно отличить такие, которые имеют влияние на шведские дела, и такие, которые его не имеют: к последним принадлежат римско-императорский двор, которого представления имели мало успеха, также и великобританский, а к первым - Франция и Пруссия, которые согласились помогать злонамеренным шведам в перемене правительственной формы. "Если шведское министерство, - сказал король, - имело в виду при печатании известного манифеста разделить Данию с Россиею, то ошиблось, ибо я вполне признаю необходимость союза между обоими дворами и прошу вас удостоверить ее императ. величество, что я хочу способствовать всеми средствами сделать узел такой необходимой дружбы неразрывным, прошу и вас не переставать стараться об этом; что же касается французского и прусского дворов, то я не могу понять, какой им интерес в восстановлении самодержавия в Швеции". Корф писал, что он ясно доказал, что Франция и Пруссия имеют в этом сильный интерес, и король не мог ничего ему отвечать. Корф указал также королю на опасность, которая грозит Дании от укрепления шведами Ландскроны. Потом король разговаривал о разных предметах, о разных дворах; Корф нашел его рассуждения очень важными, нашел, что он французскому и прусскому дворам не доверяет, а к наследному принцу шведскому и его партии питает прямую ненависть.

В конце 1749 года Корф писал о ненависти, а в самом начале 1750 должен был писать о необыкновенных знаках благосклонности, которые оказывает король прусскому посланнику. В апреле Корф уведомил о внезапной смерти министра Шулина, причем писал: "Правда, этот министр был

великий противник интересам вашего императ. величества, но переменятся ли дела вследствие его смерти, это зависит от назначения ему преемника".

Дела не переменились, потому что датская политика относительно шведского вопроса не была личным делом Шулина или партии, в челе которой стоял этот министр.

Державы, боровшиеся с Россией дипломатическими средствами в Стокгольме и Копенгагене, разумеется, должны были также сильно бороться с нею и в Константинополе. Неплюев в начале 1749 года уведомил о слухе, распушенном в Константинополе, что Россия должна будет вести войну против Швеции, Пруссии, Дании и Польши, что 70000 прусского войска уже двинулось для занятия Курляндии. Тут же Неплюев сообщил записку, поданную Порте шведским поверенным в делах Сельценом. Сельцен домогался у Порты, чтоб она спросила у русского резидента, зачем его правительство делает такие сильные военные приготовления, сухопутные и морские, при шведских границах, и показала ему копию союзного договора, заключенного между нею и Швециею. Французский посланник Дезальер получил от своего двора приказание вразумлять Порту, что ее интересы требуют внимательного взора на северные события, ибо Россия имеет одну цель - овладеть Швециею, следовательно, турки, будучи с нею в союзе, должны ей помогать; да и без союзного обязательства должны всеми средствами препятствовать, чтоб русские не умножили своих сил. Эти внушения с шведской и французской сторон и беспрестанно подаваемые господарями молдавским и валахским ложные ведомости привели Порту в недоумение и заставили ее обратиться к английскому посланнику Портеру с просьбою объяснить причины русских вооружений: "Даром большие деньги на вооружения не тратятся; правда ли, что Россия хочет назначить другого коронного наследника в Швеции? Что такое Курляндия, что об ней в настоящих северных делах упоминается? Не остановится ли в Польше русское войско, зимовавшее в австрийских владениях, и правда ли, что польскую вольность хотят совершенно утеснить?" Портер обратился к Неплюеву и австрийскому интернунцию Пенклеру за советом, что ему отвечать. Те постарались ему внушить, что он должен воспользоваться благоприятным случаем и снова забрать в свои руки то влияние, которое морские державы имели при Порте до Белградского мира, что теперь время не только туркам глаза открыть, но и Дезальеру с Сельценом нанести чувствительный удар, показавши, что представления Сельцена делаются по внушениям Дезальера. Неплюев представлял Портеру, что злоба французов против России происходит за помощь, оказанную императрицею англичанам посылкою войска к Рейну; что шведско-французско-прусская интрига направлена против России и Англии вместе и что надобно за это отомстить; что Россия принуждена вследствие шведского недоброжелательства держать войско на севере; но так как на юге не прибавлено ни одного полка, то Турции беспокоиться решительно нечего. В этом смысле составлен был письменный ответ, который Портер и переслал рейс-ефенди.

22 июня Неплюев имел разговор с великим визирем, который встретил резидента чрезвычайно ласково и сказал, что русский двор не может и желать большей дружбы, чем та, которую Порты к нему имеет. По этой-то дружбе он, визирь, и желал засвидетельствовать ему, резиденту, как бы Порты охотно видела Россию в согласии с Швециею, ибо ничто не может быть приятнее для Порты, как доброе согласие между ее друзьями. Неплюев отвечал, что императрица одного только и желает, чтоб быть в добром согласии со всеми державами, и Порты знает сама это очень хорошо из того старания, с каким Россия поддерживает дружбу в отношении к ней. Потом резидент перешел к северным делам и прямо объявил, что некоторые неблагонамеренные шведские министры желают возбудить беспокойства на Севере переменою правительственной формы, чтоб избавиться ответственности пред чинами и в угоду чужим державам; но так как гарантия Петра Великого естественно перешла и на императрицу, то она и по собственному интересу, и для предупреждения неминуемых беспокойств велела своему министру объявить в Стокгольме, что она не может смотреть равнодушно на замышляемую перемену; и как скоро злонамеренная партия от своего умысла отстанет, то императрица не подаст ни малейшей причины к беспокойству, ибо она завоеваний не желает, не имея нужды в приращении земель. Визирь отвечал, что хотя Порты и слышит многое, но не обращает серьезного внимания (тут он показал рукою, что в одно ухо впускает, а из другого выпускает) и надеется, что все эти несогласия на Севере кончатся ничем. Тут Неплюев заметил, что если Порты сильно желает тишины на Севере, то ей бы следовало шведам советовать, чтоб они отстали от своих вредных замыслов и не слушали советов тех держав, которые стараются зажечь огонь на Севере. И визирь должен быть от их советов и внушений во всегдашней осторожности, потому что они не стыдятся в двух местах одинаково каверзить: здесь, при Порте, сообщают ложные известия о России, а в России о Порте.

В сентябре интернунций Пенклер сообщил Неплюеву и Портеру перехваченную депешу Дезальера, в которой тот хвастался, что визирь говорил с Неплюевым повелительно, что он, Дезальер, успел открыть турецкому правительству глаза насчет русских замыслов и что для воспрепятствования последним возможна конвенция между Франциею, Пруссиею, Швециею, Польшею и Турциею. Пенклер объявил при этом, что хотя его королева-императрица и не верит французскому хвастовству, однако считает нужным, чтоб они втроем приняли меры для воспрепятствования упоминаемой Дезальером конвенции. Три министра решили, что в этом деле особенного внимания заслуживает упоминание о Пруссии, ибо если бы Франция успела склонить прусского короля на проект Дезальера, то это немало нарушило бы европейское равновесие. Они решили внушать Порте с трех сторон о благонамеренности России относительно Швеции, но решили при этом действовать с крайнею осторожностью и не делать ни малейшего намека насчет плана Дезальера, ибо этот план мог остаться только в голове последнего, наполненной, по

словам Неплюева, проектами: так, Дезальер постоянно твердил о поляках, преувеличивал их силы и в то же время указывал необходимость освободить их от русских притеснений, необходимость с будущего польского сейма отправить в Константинополь министра с жалобой на проход русских войск через Польшу. Неплюев пригласил к себе переводчика Порты и объявил ему, что злонамеренная партия в Швеции решила произвести в действие свой план тотчас по смерти королевской и потому императрица приказала своему послу в Стокгольме сделать вторичную декларацию, что будет защищать вольность утесненных шведов; но если шведское правительство даст надежное удостоверение, что форма правительственная изменена не будет, то Россия ничего более требовать не станет. Если шведы, говорил Неплюев, откажутся дать всякое удовлетворение, то все беспристрастные будут считать их нарушителями мира; надобно надеяться, что и Порта разделит также этот взгляд и будет советовать шведам не нарушать спокойствия на Севере.

Неплюев и Портер внушали, что Порта должна уговаривать шведов уступить русским требованиям; Дезальер внушал, что шведы правы, что декларацией наследного принца дано полное обеспечение и что Порта должна отговаривать русскую государыню от столь несправедливых требований. Турецкие министры не знали, что делать, посоветовались между собою и решили: шведов вполне не оставлять, на словах за них ходатайствовать, но русскому двору отнюдь не причинять неудовольствия. Уведомив об этом свой двор, Неплюев писал: "Мне же во опровержение тех шведско-французских здесь интриг собою директно ныне делать нечего по опасности каким-либо безвременным отзывом непристойного от турок объявления на себя навести; но под рукою при всех подающихся случаях возможное чинить не оставляю".

В начале 1750 года Неплюев присылал своему двору все успокоительные известия, что, несмотря на усилия Франции и Швеции склонить Порту на принятие посредничества в северных делах, та не поддается их внушениям. Но от 18 мая получена была от него в Петербурге депеша другого рода: "Через посредство двух серальских фаворитов и, вероятно, благодаря сребролюбию рейс-ефенди (шведский переводчик трижды был у него в доме на рассвете), который по жадности своей со всех сторон берет, против всякого нашего ожидания испытали мы (т. е. Неплюев, Пенклер и Портер) турецкое непостоянство, удостоверились, что ни на какие здешние обнадеживания полагаться ненадобно; что здесь не следуют какой-нибудь принятой системе, но по прихотям самые важные решения отменяются". Дело состояло в том, что 14 мая Неплюев был позван на конференцию к визирю, который прочел ему записку; в ней было сказано, что так как по полученным из разных мест ведомостям известно, что шведский ответ на последнее русское требование основателен, то Порта надеется, что обе державы будут сохранять путь правый и прямой и что скоро уведомится она о восстановлении между ними дружбы и добрых сношений. Неплюев отвечал, что отдает на рассуждение визирю: при возникших между двумя

государствами столкновениях дело решается одними ли словесными уверениями, или для этого требуются трактаты и конвенции. Шведы повсюду разглашали, будто Россия хочет свергнуть их коронного наследника, а Россия основательно доказывает, что они желают переменить форму своего правления; то чего же лучше, как заключить с обеих сторон конвенцию, что ни того ни другого не будет? И если это разумное средство не примется, то бесспорно, что шведы по французским и прусским наущениям стараются взволновать Север. Императрица не желает ни пяди шведской земли; но если шведы не отстанут от своего намерения переменить правительственную форму, то она не сдержится никакими представлениями и употребит все дарованные ей Богом способы для воспрепятствования этому злу. Российская держава никогда не позволит предписывать себе законов ни шведам, ни французам, ни какому-либо другому народу, устанавливая все свои поступки на весах правосудия с богоугодным намерением не допускать, чтоб от соседей и в ее государствах огонь загорелся. На эти слова визирь и рейс-ефенди твердили одно: что Порты высказалась единственно из дружбы к обоим северным державам. После Неплюев узнал, что рейс-ефенди сказал визирю: "Хотя нынешнее свидание так же мало принесет пользы, как и прошлогоднее, однако мы это дело с рук сбыли".

Было ясно, что с турецкой стороны России нельзя было ожидать никаких значительных неприятностей по северным делам; столкновение между крымцами и запорожцами также не могло повести ни к чему важному. В таком успокоительном положении находились дела, когда в конце года в Петербурге было получено известие о внезапной смерти Неплюева, последовавшей 8 ноября. Псковский архиепископ Симеон Тодорский получил от находившегося при миссии иеромонаха Иосифа любопытное письмо о болезни и кончине резидента: "Извещаю преосвященству вашему о смерти резидента, который Божиим смотрением наказован был многажды болезнию различною, первое - отнятием руки, потом желчию, что весь был желт, и тая желчь происходила ему от сердца лютости и продолжалась все лето; однажды с деревни приехал в Перу, не знаю, за что осердился на портного так жестоко, что обомлел. Сколько лекари увещевали его о том, не слушал и не мог отстать, навыв всегда в лютости и в ярости. Случилось ему шестого числа сего ноября во вторник вечеру в немецкого резидента быть, и там сделалась ему апоплексия, которого в лектики (на носилках) в двор оттуду принесли, и страдал, по докторскому мнению; апоплексиею, а по-моему, от беса мучим, и все тое было ему от Бога в наказание, чего для в среду, бывшу ему в чувстве добром и в памяти, говорил хорошо, чисто; я пришел к нему; он не хотел сперва на меня смотреть, отворочался, як бес от креста, говорил ему за исповедь, отказал - пожди. Потом в среду ж пред полунощию мучило его четырьмя нападами, мало и дышал, чего для я приобщил его Божественных тайн без исповеды, понеже не говорил; а после полунощи стало ему полегче, пил чай и поутру в четверток говорил с докторами; я приходил и хотел ему говорить и принудить к исповеды - ниже слово сказал; все удивлялись, с лекарами говорил и лекарства

принимал, а ко мне ниже единого слова промолвил; после половины дня начало быть ему худше, ввечеру скончался без исповеды. И по приметам прежних лет жития его так в России, как и в Стамбуле, не был он совершен христианин: но или лютер, или совсем атеиста, понеже имел великое обхождение с аглицким послом, а той явный атеиста. В Стамбуле находятся различнии народы православнии и имеют резыдента в великом почтении яко от православного государства, а по теперешнем случаи все удивились и позорствуют на Россию, что едно православное государство в свете, и тое уже начинает колебаться в вере и развращаться, весь Стамбул атеистою покойного называл за его злые поступки, наипаче же теперь внушили, что не хотел исповедаться. О чем я прошу преосвященства вашего в случае внушить сие всемилостивейшей государыне, дабы доброго христианина избрали и прислали в Царьград".